

ДИАЛЕКТИКА КАК ВЫСШИЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ

Работа посвящена ставшей уже традиционной, но до сих пор вызывающей жаркие дискуссии проблеме: роли диалектики в системе научных методов познания, её отношению к другим методам, её собственному аутентичному содержанию. Последнее обстоятельство выдвигает на первый план необходимость адекватного изучения диалектики (диалектической логики) по единственной целостной, точной и систематически разработанной теории диалектики, изложенной в «Науке логики» Г.Гегеля.

Текст создан на основе ранее опубликованных в различных научных изданиях работ автора последних лет, посвященных диалектическому методу познания. Рассматриваются как общие проблемы диалектики и её истории, так и отдельные фундаментальные категории и определения. Поэтому работу можно рассматривать, в какой-то мере, как комментарий к некоторым аспектам «Науки логики».

Работа рассчитана на философов и всех, интересующихся научной методологией познания. Она может быть использована как учебное пособие для тех, кто приступает к самостоятельному изучению диалектической логики по гениальному труду Гегеля — «Науки логики».

Содержание

ВВЕДЕНИЕ

ЧАСТЬ I. СООТНОШЕНИЕ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО И

ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЕТОДОВ ПОЗНАНИЯ...4

1. Рассуждение о методах.....8
2. К единству анализа и синтеза.....19
3. Система научных методов и «системный метод».....30

Часть II. ИЗУЧЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДИАЛЕКТИКИ КЛАССИКАМИ

1. Системы диалектики.....33
2. Усвоение и развитие диалектики Гегеля..... 39
3. Постигание В.И.Лениным диалектического метода.....51

Часть III. СОДЕРЖАНИЕ И КОНТЕКСТ ПЕРВОЙ КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ: БЫТИЕ

1. Бытие: слово и значение 60
2. Бытие: имя, термин и определение.....73
3. «Чистое бытие» и определения бытия 82

Заключение. Диалектика – высший, а потому самый трудный
для овладения, метод познания.....88

Литература.....93

Введение

Непосредственным поводом для написания этой работы послужило осознание двух проблем.

Первая заключается в том, что даже ученые, интересующиеся философской системой Гегеля и хорошо знакомые с ней, уважающие и пропагандирующие её, избегают сколь-нибудь серьезного разговора и изучения главного произведения великого философа – «Науки логики». Можно, даже, составить представление о нескольких рубежах, на которых останавливаются люди, лишь бы не изучать главного методологического труда. Первый – это чтение литературы о Гегеле и его философии: выпускается и читается масса литературы о нем, проходят дискуссии, даже пишутся статьи, но первоисточник не изучается должным образом. Дело застревает на знакомстве (порой – хорошем знакомстве) с диалектикой по описаниям и комментариям. Забывается разъяснение Гегеля, что «известное, от того, что оно известно, еще не познано». Второй рубеж – чтение всех других произведений Гегеля кроме «Науки логики». Люди годами изучают Гегеля, но не главную его работу. Третий – изучать предисловия, благо они пространны и значительны, к двум вариантам изложения диалектической логики: к так называемой «Малой логике» и к «Большой логике». Поскольку в них содержится богатый содержательный материал, их можно изучать очень долго и тем избегать главной работы. Четвертый – наконец, приступить к непосредственному изучению логики, но по «Малой логике», написанной Гегелем в качестве учебного пособия для студентов, как конспект по лекциям. И только у самых упорных хватает сил перейти этот рубеж и взять на себя труд самостоятельного серьезного изучения «Науки логики».

Вторая проблема состоит в том, что значительная часть философов, в том числе считающих себя диалектиками, не дошли не только до диалектического метода, но даже и до метафизического. Что они оперируют в размышлениях не понятиями, а представлениями, концептами, метафорами и просто мифами, часто подменяя

логическое постижение историческим исследованием или экстравагантным мнением.

Но главной причиной данной работы является давняя потребность автора понять: почему западный мир, не ориентирующийся специально и сознательно на диалектическое мышление, добивается значительных успехов в развитии науки и техники и не уступал в этом советскому миру, строившему познание на изучении и пропаганде диалектического метода познания.

Теперь эта потребность удовлетворена. В общем виде теперь понятно: потому что наука, любая наука, в принципе строится **на понятиях**, а понятия имеют диалектическую природу и вынуждают ученых, помимо их воли, стихийно ей подчиняться, даже если они сами этого не осознают. Но стихийное — оно и есть стихийное: ограниченное и случайное, добытое с более высокими затратами и часто не эффективное. Однако в развитых капиталистических странах сознательное стимулирование развития науки в крупных масштабах и гигантские вливания в науку приводили к тому, что большое количество людей втягивается в научную деятельность и, таким образом, приобщается к **понятийному способу мышления**, а, следовательно, и к диалектике. Напротив, у нас, при всей официальной трескотне о диалектике, при массе книг и статей о ней, кандидатских и докторских диссертаций по методологии, глубокой традиции изучения именно «Науки логики» не сложилось. Изучать самостоятельно это сложное произведение и овладеть им не просто: это ясно показывают «рубежи». А отчасти она была даже придавлена официальными учебниками, сводившими диалектику к так называемым «трем законам диалектики», да еще неоправданно приписанным Ф.Энгельсу. Поэтому, практически, наука и идеология в советском мире также действовали стихийно, случайно используя диалектику самих понятий по мере трудолюбия и таланта исследователя. Именно отсюда вытекали на уровне официальной идеологии благоглупости типа: «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Словно руководителям идеологии было невдомек, что социализм, как первая фаза коммунизма, также есть коммунизм, поэтому мы уже жили при коммунизме. И таких примитивизмов было очень много, и они, дезориентировав

политику, во многом ослабили государство и предопределили поражение СССР в мировом соперничестве.

Хочется надеяться, что молодое поколение российских философов, экономистов и политиков будет более проницательным и выведет Россию на путь прогрессивного, эффективного гуманного развития. В этом им поможет изучение и овладение диалектическим методом познания в той его высшей форме, которая изложена в «Науке логики» Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Ведь успехи России в первой половине и середине XX века были связаны, помимо прочего, с глубоким изучением наследия великого мыслителя довольно широким кругом людей. Ниже мы скажем об этом подробнее.

В следующем году исполняется 200 лет со дня публикации первой части «Науки логики», состоящей из двух разделов объективной логики и включающей учение о бытии и учение о сущности. Первые издатели не оставили нам точной даты выхода в свет гениального труда. Даже и годом издания второго раздела, с подачи Леопольда фон Геннинга, современные издатели считают 1813-й. Не знаю, на что они опирались в своих констатациях, но сам Г.Гегель дает нам достаточно точную дату. В письме от 18 декабря 1812 года Ван Герту он пишет буквально следующее: «Только что закончено печатание второго тома моей «Логики», в котором содержится вторая книга – учение о сущности». Думается, что эту дату, если не найдется уточняющих обстоятельств, и следует принять за дату публикации «Науки логики».

Часть I. Соотношение метафизического и диалектического методов познания

1. Рассуждение о методах

Понимание того, что одного знания фактов, признаков предметов и их системных связей между собой недостаточно для истинного познания окружающего мира, было достигнуто человечеством относительно давно. Такое понимание хорошо зафиксировано в V веке до нашей эры в знаменитом афоризме Гераклита: «Многознание не научает уму». Это означает, что уже тогда понимали, что эрудиция и интеллект – это разные, относительно самостоятельные явления, хотя и очень тесно связанные между собой. Можно быть умным человеком, но слабо эрудированным (особенно в том или ином конкретном вопросе). А встречаются люди очень эрудированные (особенно в тех или иных вопросах), но с явным дефицитом способности самостоятельно делать выводы на основе всегда ограниченных данных. Умному и ученому достаточно легко восполнить недостаток эрудиции. Но недостаток ума невосполним никакой эрудицией. Его можно лишь развить упорной работой над самим умом, над своим интеллектом.

Интеллект предполагает эрудицию, но в багаже знаний главную опору он имеет в понятиях, в теории, в науке. Собственно говоря, теории это и есть систематически развернутые понятия. И чем шире и глубже усвоен профессионалом круг современных теорий, тем развитее интеллект, тем более эффективной становится интеллектуальная деятельность. Другое дело – какая теория является современной? Вершиной интеллекта является овладение теорией самого интеллекта – методологией как высшей формой человеческого познания. Такая теория неизбежно стала теорией теорий, или – методологией: наукой о деятельности интеллекта в процессе познания, наукой о самом методе познания. Она важна для профессионала любой сферы, но особенно в областях практической аналитики: экономической, политической, журналистской, военной и т.д.

Понимание того, что основу интеллекта составляет метод, пришло человечеству лишь в начале XVII века и выразилось в трактате Рене Декарта «Рассуждение о методе». Оно пришло чело-

вечеству не только в лице Р.Декарта, поскольку оно уже созрело для этого понимания и последнее носилось в воздухе — оно стало потребностью, чем-то необходимым. И эту необходимость выразил не только Р.Декарт, но и его современники Ф.Бэкон, Б.Спиноза, Э.Вейгель и др. Однако Декарт выразил её наиболее просто и точно.

Появление учений о методе в XVII веке отнюдь не значит, что раньше методы мышления не существовали. Они существовали, но не были сознательно сформулированы. Более того, древний метод — метафизический — был разработан к этому времени значительно лучше и подробнее в трудах Аристотеля и его последователей. Новый же метод представлял собой сначала скорее набор категорий и правил. Но в этих правилах появилось новое направление — в них интеллект обратил внимание на самого себя, самость человека занялась самой собой, занялась наведением порядка в себе самой. Фактически, в новом методе человечество осознавало то, что оно проделало в научном мышлении со времен Аристотеля. Его содержанием, таким образом, было содержание старого — метафизического — метода. И он в значительной мере определялся именно этим содержанием, а потому и сам был, следовательно, метафизическим, как характеризовал его Гегель. Он, одновременно, и был метафизическим, и не был уже им вполне. Точнее, поэтому, нужно назвать новый метод метаметафизическим. Он не стал ещё диалектическим, но и просто метафизическим он уже не был. Он был началом второго этапа разработки диалектического метода, который завершился и был снят в диалектическом методе Гегеля.

Гегель считал, что есть только один научный метод — тот, который он разработал в «Науке логики» и назвал диалектическим в противоположность устаревшему метафизическому методу философского, как и вообще научного, познания. Нынешние философы, в большинстве, считают, что поскольку метафизический метод устарел, то и пользоваться им, по-видимому, не имеет никакого смысла. Это различие двух методов просуществовало до двадцатого века, пока не были заявлены так называемый «феноменологический» и, как ни странно это звучит, «системный» методы. Поэтому для многих возникла ситуация, в которой диалектический метод как бы устарел, а появились как бы два новых современных ме-

тогда. Но так как представление о системе и «видение» феномена у каждого свои, то началась цепная реакция возникновения таких же «новых» системных методов. И сегодня насчитывают кто десяток, а другие и несколько десятков научных методов и сотни вариантов системного метода. Например: индуктивный, дедуктивный, аналитический, синтетический, логический, исторический, моделирующий, статистический, метод сходства, метод различия, метод исключения, метод остатков и т.д. и т.п. Спрашивается: как же разобраться с этим изобилием методов? И не упустим ли мы какого-нибудь метода? И не ожидает ли нас в будущем такое их увеличение, что останется время только на их изучение, а для постижения с помощью этих методов какого-либо конкретного содержания и самой реальности времени уже не останется? Наконец, нужны ли они специалистам и могут ли они овладеть ими?

Однако, если повнимательнее присмотреться к ситуации, то скоро становится ясно, что это всё старые знакомые, известные, по крайней мере, с XVIII века, мыслительные процедуры, причем некоторые из них разработал ещё Аристотель (См. его «Категории», «Метафизику» и «Аналитику»). Но он рассматривал категории и исследовательские методики не как свойства индивидуального сознания, а как свойства природы, как «роды сущего». Он, собственно говоря, создает теорию (если хотите – синтетически) мира в целом, разделенного (если хотите – аналитически) на роды сущего и более дробные части (если хотите – подсистемы). Как наиболее общая теория она играла методологическую роль по отношению к частным теориям. И, стало быть, была методологией, хотя и не осознавалась им самим в качестве методологии. Точно так же, как это происходит и сегодня. Но те же понятия, которые Аристотель рассматривал как мир или его части, есть в сознании как наиболее общие понятия, которые субъект применяет как, по видимости, субъективные инструменты для познания любых предметов. Такие понятия, категории, стало быть, универсальны: они «наличествуют» в мире как роды сущего и есть в сознании как инструменты познания. И позднее их универсальность и методики оперирования с ними, но уже в качестве субъективных способностей, рассматривает Декарт. Поставив вопрос о соответствии понятий разума аристотелевским категориям и понятиям «природы», он есте-

ственно усматривает два соответствующих друг другу ряда понятий. Мыслить и существовать – это для разума одно и то же, понял Декарт. Нам это понять труднее. Нам понятнее, если эту формулу (если хотите – проанализировать) разделить на две части и рассмотреть их порознь. Что мыслящее существует, ясно и без доказательств: мыслящее – человек – прежде, чем мыслить, должен существовать. Но столь же прозрачно и второе – не все существующее мыслит: человек есть и как мыслящий, и как существующий, а вот камень, например, существует, но не мыслит. Из сравнения двух рассуждений ясно, что первое в значительной мере истинно, хотя и не вполне. Декарт рассматривает эту мысль как истинную, берет её в качестве основания для построения своей теории. И теперь его теория становится методологией для частных теорий (в том числе, например, для его теории происхождения мира в «Трактате о свете») и соответствующих научных школ. Декарт, собственно говоря, по-новому систематизировал «роды сущего». И на основе этой системы общих понятий начал изучать отдельные области реальности, выделенные частными науками. Само слово метод он взял, видимо, из современного ему естественного языка. Например, английское «method» означает: система, порядок. Все просто и понятно. А вот «системный метод» – это «масло масляное». Ведь и наука – это **систематически развернутое понятие (знание)**, то есть системна по определению. Поэтому товарищи, выдумывающие какие-то новые системные методы, сами находятся в заблуждении и других вводят в заблуждение. Дело, следовательно, не в системности самой по себе, **а в истинности системы.**

Так что же, И.Кант и Г.Гегель не заметили этих методов и создали, каждый, свой метод на пустом месте? Или они были менее проницательны, чем профессора философии в XX веке? Почему К.Маркс и Ф.Энгельс овладевали (и пользовались исключительно) методом Гегеля, дав ему материалистическое обоснование, а многие философы XX века, каждый сам для себя, «открывают» свой собственный вариант «системного метода»? А где результаты «системного метода» за XX век?

Ответы на эти вопросы достаточно просты. И чтобы не интриговать читателя, ответим на них прежде, чем приведем доказательства.

Всеобщий научный метод — слишком редкое и дорогое достояние человечества, чтобы быть открываемым даже один раз в столетие, а тем более сто системных методов в год, как это, на словах, происходит сейчас. Дело не в новизне, а в истинности метода. Истинный метод, по сути, есть всегда только один: понятийный — как целостность (тотальность) мыслительной деятельности в строго определенных понятиях. Именно в силу строго определенных, необходимо связанных друг с другом понятий, метод Аристотеля (а Гегель считал его и своим методом) стал методом для ученых всех развитых тогда стран, в том числе, например, арабских. Определения исторически меняются, совершенствуются. И если кто-то считает, что то или иное определение устарело или неправильно, то его можно изменить или, даже, опровергнуть и отбросить. Но само научное мышление протекает только в системе достаточно четко определенных понятий. И никакого другого пути для него нет.

Поэтому же мы ничего не упустим в разборе методов — ведь никаких других методов, кроме тех, которые нам даром оставили гении Аристотеля, Декарта, Гегеля и других великих ученых и философов, нет. И в ближайшем будущем (век или два) на нас не обрушится их обилие — в лучшем случае будет конкретизирован и усовершенствован метод Гегеля. Кант и Гегель были не глупее нынешних философов, но они искали не только **истинный**, но и **высший метод** научного познания (таковым, тоже понятно, в каждый данный период может быть только один метод). И они, особенно Гегель, понимали, что только совершенствуют тот истинный метод, который уже был разработан предшественниками, но в недостаточно ясной и цельной форме. Каждый из их предшественников субъективно разрабатывал свой метод как истинный и высший. И в их время он был не только истинным, но и высшим. Их методы не перестали быть истинными (поэтому мы их и изучаем), но со временем они перестали быть высшими, уступив в совершенстве своим последователям. Поэтому объективно они трудились над обработкой того же метода, который был создан Платоном, Аристотелем и их последователями. Главный вопрос здесь как раз и состоит в том, что же такое они создали, что называется всеобщим научным методом познания? Они, от Платона до Гегеля, создали способ систематического **понятийного** рассмотрения предметов. То есть,

способ такого мышления, когда **предмет (процесс)** сначала возводится в мысль, в **понятие**, а затем рассматривается с помощью других понятий как соответствующий себе самому и своему понятию. Понятие предмета (процесса) ставится затем в систематическую связь с другими понятиями, выражающими другие свойства предмета или его связи с другими предметами. Понятие же есть самая простая и самая глубокая (а, следовательно – единственная) **объективная система знаний**, с помощью которой разум всё систематизирует и подчиняет себе, т.е. системе своих понятий (т.е. теорий, т.е. наук). Разум, собственно говоря, и есть **действующее понятие**: где нет действующего понятия, там нет и разума; а там, где нет разума, нет и понятия. Поэтому метод можно определить и так: это способ развертывания понятия предмета от абстрактно-общего до конкретно-всеобщего содержания. Или, как это определяет Гегель: «...метод есть осознание формы внутреннего самодвижения её (всеобщей логики, следовательно и логики любого предмета вообще – А.К.) содержания». [См. «Наука логики» т.1, М.: Мысль, 1970. С.107.].

Самодвижение любого предмета исследования (физического, химического, социального и иного) вытекает с необходимостью из его противоречивости. Противоречие есть источник самодвижения и предметов природы, и процессов общества, и форм мышления, как выражение их (природы, общества и мышления) сущности. Поэтому человечество училось и, наконец, с помощью Гегеля, научилось выражать движение вещей посредством движения понятий. Этого не мог дать метафизический метод, останавливающийся лишь на возведении вещей в понятия, на формулировке понятий и их внешнем, формальном взаимодействии. Это тоже очень важно, этим тоже необходимо овладеть как промежуточной ступенью, но теперь этого стало недостаточно. Теперь нужно шагать ещё на одну ступеньку вверх. Впрочем, диалектический метод, поскольку в нем снят метод метафизический, позволяет делать это одним движением.

Из этого понимания метода, как из основы, можно вывести доказательства для данных выше ответов на поставленные ранее вопросы.

«Системный метод» – это недоразумение, поскольку любой метод, если он научный, является системным по определению. Ведь наука – по определению – есть систематизированное объективное знание. Поэтому этот метод «открыт» очень давно, вместе с появлением науки. И если на нём настаивают, как на чем-то новом, а также на его необходимости, то ломаются в открытую дверь. Или кто-то думает, что Платон и Аристотель мыслили не системно и не подозревали о системности своего мышления? А Декарт, Лейбниц, Ньютон? А Ленин, Лосев, Ильенков? Которые, кстати, ни о каком системном методе, тем более – своем, не говорили.

Точно так же решается и вопрос о двух методах: метафизическом и диалектическом. Обычно настаивали на их различии и на констатации устарелости метафизического метода. Но диалектический метод есть конкретизация и развитие метафизического метода. Следовательно, в себе они одно и то же. И это «одно» суть **понятие**. Только в метафизическом методе возводят предмет в понятие и на этом останавливаются, сопрягая новое понятие с другими понятиями (т.е. развертывая) внешним образом, а в диалектическом – «наблюдают» за его саморазвертыванием и соединением с другими понятиями соответственно развивающейся действительности (природе предмета). Поэтому, если человек не овладел диалектическим мышлением, он двумя ногами стоит на почве метафизического метода мышления, хочет он этого или нет. Поскольку никакого третьего всеобщего научного метода просто нет. И драма многих исследователей не в том, что они не овладели диалектическим методом, а в том, что они еще не освоили сознательно даже метафизический метод как **мышление в понятиях**. За понятия и мысли они часто выдают свои представления, кое-как выраженные в лексической форме и схематически (часто схему и называют системой) связанные между собой, не понимая простой вещи: слово может выражать понятие, а может и не выражать. И даже у одного человека данное слово выражает понятие (за счет связи с другими глубоко определенными понятиями теории), а у другого – не выражает. Например, одно и то же слово «деньги» – суть простое, расплывчатое представление об особых бумажках и монетках у сельской полуграмотной бабушки, но сложное, строго определенное понятие о сложнейшем явлении в теории Адама Смита,

К.Маркса или Д.Кейнса. Это различие представления и понятия зависит от развитости теоретического мышления, т.е. от научного мышления, т.е. от понятийного мышления. Или, другой пример – такое хорошо известное явление как заработная плата выражается даже в Трудовом кодексе РФ как «вознаграждение» за труд, осуществляемый при известных условиях. Уже здравый смысл сопротивляется определению «вознаграждение» в отношении зарплаты, например, учителя в 10 тыс. рублей. Здесь, по смыслу русского языка, должно подразумеваться, что за свой труд он уже получил хорошую зарплату, а потом ещё награждение в какой-то большой степени. Это при том, что науке давно известно теоретическое определение заработной платы: это цена рабочей силы, т.е. цена, по которой человек продает свою способность к труду на известное время другим людям. И отсюда, из этой дефиниции понятия, следует очень много выводов. Например, в том числе, если бы время такой продажи не было ограничено законом или договором, а продолжалось 24 часа, то человек был бы рабом. Это совершенно жесткий, но ничем не опровержимый вывод. Ну а если человек работает 12, а тем более – 16 часов? Каково тогда его социальное положение и социальное определение? Словечко «вознаграждение» всё это заслоняет: ну наградили же, хоть и слабо, а могли бы и не наградить – ведь награда это дело произвола начальства, а не предмет законодательства.

Поэтому не стоит третировать метафизический метод: им еще надо овладеть как ступенькой к диалектическому методу. Так или иначе, сознательно или нет, но каждый специалист, хотя бы в рамках своей профессии, волей-неволей овладевает началами метафизического метода. Правда, при известных условиях можно сразу сознательно овладевать диалектическим методом, поскольку метафизический метод содержится в нем в снятом виде.

Теперь, что касается других научных методов, то нужно сказать, что они суть конкретные проявления всеобщего (логического, диалектического) метода (отражающего целостность мира и разума, постигающего этот мир). Например, так называемый аналитический метод, определяемый часто как «мысленное разложение предметов или явлений на составные части», никакие предметы, кроме понятий, не разлагает. Он только выражает в понятиях раз-

личные действительные процессы разделения или разложения реальных предметов. Анализ химический выражает в понятиях процессы разложения химических соединений, анализ математический оперирует понятиями (величинами) математических предметов. Но всегда любой анализ соединен с синтезом, с целым, с которым он составляет единство как один из моментов этого единства. И изучает это единство единый всеобщий метод, применяемый и в химическом, и в математическом, и в политическом и в других специальных анализах как видах научной деятельности. Это не отменяет специальных научных методов в каждой науке. Следует согласиться с профессором М.В.Поповым, что каждая наука вырабатывает свой метод: «Отсюда следует, что нет никакого метода, который может быть оторван от самого предмета, от того, что является живым, и что имеет внутреннее самодвижение. В биологии свой метод, в химии свой, в истории свой, а в философии истории — свой. Важно лишь видеть связь этих методов с всеобщим методом» [3, 11].

Впервые анализ и синтез выделили как самостоятельные методы последователи Р.Декарта французские ученые А.Арно и П.Николь в 1662 году [2, 13]. Тогда, в условиях возникавшей новой методологии, это был большой прогрессивный шаг вперед. Но теперь, после Гегеля, их обособление неоправданно.

Точно так же обстоит дело с индукцией и дедукцией. Первый метод последовательно отождествляет несколько однородных предметов и распространяет представление о них на всю совокупность включенных в это множество предметов, синтезируя их в нечто целое в виде вывода. Второй — выводит однородные менее общие понятия из одного более общего понятия, выражающего некоторое синтетическое целое, являющееся для них родом (или частью рода). Первый метод синтезирует определение для данной совокупности предметов, а второй — анализирует общее понятие как синтетическое единство. В первом синтез идет за анализом, а во втором — анализ идет за синтезом. Но не в том смысле, что один идет после другого, а в том, что они находятся во взаимодействии и меняются местами (переходят друг в друга) соответственно задачам данной индукции или дедукции.

Не иначе действует и метод классификации: берется какой-нибудь признак совокупности предметов и возводится в понятие как основание классификации, а затем эти предметы рассматриваются в отношении к этому понятию («признаку»), на которое они «делятся без остатка». То есть, на основе предварительного анализа формулируется (синтетическое) понятие. Одновременно это понятие указывает направление дальнейшего анализа.

Даже наблюдение и эксперимент, как методы познания, фактически являются лишь моментами движения понятия к своему постижению и определению, а потому не представляющие самостоятельного, вне понятия лежащего, метода. Ведь научное наблюдение и эксперимент предопределены целью, которая формулируется заранее и есть пред-определенное понятие. С помощью бесцельного наблюдения никто ничего не открыл. Разве что один Ньютон с его яблоком, да и то яблоко упало на подготовленную (извините за каламбур) голову: он уже до этого события размышлял о силе притяжения. Яблоко лишь содействовало замыканию (соединению, синтезу, интуиции) цепи размышления (анализа, если хотите).

Невольно вспомнишь и удивишься гению Аристотеля, которому это, кажется, было ясно еще до нашей эры, когда он сказал: «...истинное и ложное имеются при связывании и разъединении».[1, 93].

И так далее...

Да, мы говорим о разных (по видимости – многих) методах. Но при этом нельзя забывать, что они есть только моменты всеобщего (философского, общенаучного, теоретического) **понятийного метода**, который один только был и является подлинным всеобщим методом научного познания. Все другие методы – суть частные методы или методики, конкретизирующие всеобщий научный метод в каком-либо конкретном применении: аналитическом, синтетическом, классификационном, дедуктивном и т.д. Так уж сложилось в науке, что их тоже называют методами. Однако, полезно помнить, что они только отдельная, более подробная разработка категорий (логики) всеобщего метода. Поэтому философы, создававшие крупные философские системы, участвовали все в создании одного истинного и высшего научного метода с использованием многих методик. От талантливых или просто умных современников

они отличались «только» тем, что совершенствовали этот метод и делали его не только истинным, но ещё и высшим для их времени. Вот этот истинный и высший на данный момент метод и есть суть, Он дается нам даром нашими предками. Нам остается лишь овладеть им. Ну а если кто-нибудь усовершенствует его в наше время или в будущем – честь ему и хвала. До сих пор высшим истинным понятийным методом, то есть методом в полном и точном смысле слова, является метод Гегеля – диалектика, диалектический метод, разработанный им в гениальном произведении «Наука логики». Метафизический метод усвоен и снят в диалектическом методе как противоположность последнего, как отрицание диалектического метода в нем самом. Диалектический метод потому и высший метод познания, что он включает в себя низший, метафизический метод, как свой момент – отрицательный момент. Это проявляется как недостатки в понимании и применении диалектического метода, как вольные или невольные уступки метафизике. Но сознательно настаивать на необходимости метафизического метода – это просто...

Постижение диалектического метода – задача, трудная даже для квалифицированного философа-профессионала. Как трудны, собственно говоря, все другие фундаментальные науки – математический анализ, квантовая физика, политология и т.д. Однако в контексте широкого фундаментального образования, получаемого в высшей школе, она вполне разрешима. Понимая такие трудности, поэт Александр Блок писал в стихотворении «Скифы»: «Нам внятно все – и острый галльский смысл, И сумрачный германский гений». Но если это было внятно в начале XX века, то еще более внятным это должно быть теперь – спустя столетие.

Литература:

1. Аристотель. «Об истолковании»/ Соч. в 4 томах. Т.2. – М.: Мысль, 1978. С.93 .
2. Арно А. и Николь П. Логика или искусство мыслить. М.: Наука, 1991.
3. Попов М.В. Диалектика как метод философии истории.– Невинномысск: Изд-во Невинномысского института экономики, управления и права, 2010.

2. К единству анализа и синтеза

Анализ считается и в научной среде, и в средствах массовой информации чем-то важным, значительным. Вряд ли какой учебник логики или исследование по методологии научного познания обходятся без рассмотрения анализа. Сегодня возникло множество аналитических центров, центров стратегического и иного анализа, институтов и фондов экономического анализа, аналитических журналов, газетных аналитиков и т.д. Однако обращение к конкретным результатам всевозможных анализов часто показывает, что они представляют собой скорее описания состояний различных процессов с произвольным выделением «важных» и «не важных» сторон явлений, нежели обоснованные выводы из развития социальных процессов. В принципе, большинство анализов можно вполне точно назвать просто исследованием или даже просто рассмотрением каких-то явлений.

Вместе с тем, наука накопила большой опыт аналитического познания и знания о его связи с синтетическим познанием, как, например, аналитическая химия, аналитическая физика, математический анализ, информационный анализ, политическая аналитика и др.

Казалось бы, логики и теоретики познания и методологии науки должны тщательно изучать анализ, искать пути его совершенствования и расширять области его использования. Но, кроме математической логики и информационных технологий, таких исследований не видно, а в учебниках логики и методологии анализу и синтезу посвящается, обычно, десять-двадцать строк. Редкие специальные работы, посвященные собственно логическому анализу как методу познания [5] не решают проблемы в целом. В гуманитарных науках аналитическое мышление практически не исследуется как метод, а принимается в качестве известного общенаучного метода. Думается, что так обстоит дело постольку, поскольку специалисты гуманитарных наук пока еще не уделяют достаточного внимания анализирующему и синтезирующему способам познания, а также их взаимодействию. И это весьма значительно отражается на практике, в том числе, например, на практике исследований экономических процессов. Достаточно вспомнить «неожидан-

ность» дефолта 1998 года или экономического кризиса 2008 – 2010 годов. Ни международные аналитические институты (МБ, МВФ, ЕБРР), ни российские аналитики не дали сколь-нибудь точных анализов и прогнозов наступления и развития кризисов в общественной жизни. Отсюда вытекает задача – еще и еще раз изучать и совершенствовать способы анализа и синтеза в исследовании экономических, политических и других социальных процессов.

а. Два вида анализа

Если внимательно присмотреться к пониманию анализа и синтеза в современной учебной и научной литературе по логике и философии, то вскоре можно убедиться в их весьма упрощенной трактовке. Это понимание хорошо выражено в известном учебнике А.Д.Гетмановой «Логика» [3, с. 29]. В нем сказано, что провести анализ значит «мысленно расчленить целый предмет на его составные части, элементы, стороны, отдельные признаки». А синтез – «обратная операция», т.е. «мысленное объединение частей предмета, отдельных признаков, притом признаков существенных, в единое целое» (там же). В этих определениях не вполне ясно: что это за предмет, о каком предмете идет речь? Если это материальный предмет, то мысленно его ни разделить на части, ни объединить эти части в целое невозможно. А если его можно «мысленно расчленить», то это «мысленный предмет», т.е. мысль о предмете. Но тогда в рассматриваемом определении понятия «анализ» термин «мысленно» излишен. Это ясно само собой, т.е. плеоназм. Такое противоречие разрешается довольно просто: мы или мысленно разделяем (объединяем) мысли о предмете, или на деле, практически, разделяем (объединяем) материальные части материального предмета. Следовательно, мы имеем два вида анализа: практический и теоретический. А в приведенном выше определении непоследовательно, и не ясно – на какой основе, смешаны эти два вида анализа в одном определении. Отчасти это смешение обусловлено двойственностью термина «предмет»: он может быть как материальным, так и идеальным. Однако главное, думается, в другом – в отрыве анализирующего познания от синтезирующего познания и в придании первому самостоятельного значения, закрепленного в суще-

ствительном «анализ». Соответственно, стал отдельным и синтез, но ему, почему-то, отказывают в самостоятельности. То есть все дело состоит в переводе одного из определений познания – анализа – в само познание, в отдельный «прием» (способ, метод) познания. Причем, именно в прием (способ, метод) **теоретического** познания. Некоторые авторы так прямо и пишут: «Теоретический анализ соответствует внутреннему содержанию научно-исследовательского процесса» [1, с. 58]. Однако в свете предыдущего рассмотрения напрашивается вывод, что практическое познание (практический анализ), в том числе и в области науки, также соответствует «внутреннему содержанию научно-исследовательского процесса», как и теоретический анализ. А если практический анализ не рассматривается, если в сфере внимания имеется только теоретический анализ, то, собственно говоря, и определение «теоретический» здесь не нужно, в таком случае оно также плеоназм. Отсюда и получилось, что термин «анализ» сегодня, практически, используется как синоним термина «исследование», подразумевая под ним «теоретическое исследование». Но ведь исследование может быть и практическим. И оно включает в себя синтез как необходимый противоположный момент.

6. Практический анализ как основа теоретического анализа

Словосочетание «практический анализ» звучит непривычно и, поэтому, можно подумать, что речь пойдет о практике теоретического анализа. Нет, дело не в этом. И более того, практический анализ всем знаком, все его осуществляют ежедневно. Хотя и не замечают этого. И еще более того: практический анализ способны осуществлять также животные. Когда обезьяна в зоопарке ловко отделяет мякоть половинки апельсина от его шкурки, когда белка разделяет скорлупу ореха от ядра, когда ребенок разделяет машинку на части, они занимаются практическим анализом предметов. И взрослые люди постоянно практически анализируют предметы внешнего мира: в магазине отделяют подходящую колбасу от неподходящей, хороший костюм от нехороших, правильные поступки детей от неправильных и т.д. Нечего и говорить, что в профессиональной деятельности, особенно в некоторых профессиях (врачи,

юристы, инженеры, специалисты по информатике, экономисты, журналисты и др.) работники постоянно занимаются практическим и теоретическим анализом. Отсюда, из присущности анализирующей деятельности животным, детям и всем людям, следует, что практический анализ (а, значит, и анализ вообще) – это не какая-то особая заоблачная сфера интеллектуальной деятельности, а способность сознания отделять одни образы и понятия от других, приятное и полезное от неприятного и вредного. Поэтому практический анализ предшествует теоретическому анализу, выросшему из практического лишь относительно недавно на почве развития философии, науки и техники.

Различие между ними в том, что обезьяна, как правило, делает знакомое дело, а ребенок (впервые) – незнакомое: посредством ломки или разборки на части он познает куклу, машинку и т.д. И вскоре убеждается, что в ней, кроме частей, ничего и нет. В ней есть только (была) она сама и отдельные, бесполезные сами по себе, части.... В ней нет ничего, кроме этих ненужных частей, нет чего-то существенного... И лишь позднее он понимает: машинка это только машинка – игрушка. Какой она была в начале, такой же она осталась и в конце «анализа», но в разобранном виде и в виде оставшегося образа той машинки, которая была и которая осталась в представлении в результате анализа. Правда теперь даже по одной части куклы или машинки он может узнать, что это была кукла, или машинка... По отдельной кукольной ноге можно узнать целое: куклу, по отдельному колесу – всю машинку. Но это другой, синтезирующий момент деятельности сознания и, соответственно, синтезирующее познание... Но нужно учиться у Аристотеля, Гегеля, Ленина, чтобы понять: «Рука, отделенная от тела, лишь по названию рука. Аристотель»[7, 184]. Машинка на свалке – уже не машинка, или машинка в другом смысле и отношениях с предметами. Более сложный пример этой познавательной процедуры дает в своей книге Э.В.Ильенков [4, с.146–147].

Таким образом, в процессе анализирующего познания ребенок, не понимая этого, стихийно–практически совершал синтез ноги куклы и самой куклы, единство какой-либо части куклы и её **целого**. Как оказалось, это познание было столь же анализирующим, сколь и синтезирующим. И часть куклы здесь не любой кусок кук-

лы, а также целое, но определенное сутью первого целого: нога **куклы**, голова **куклы**, рука **куклы** и т.д. Эта часть – сама есть некое целое, соответствующее природе первого целого и определенное первым целым. В этом целом она не есть сама по себе, а есть **рука куклы**. Получилось, что сначала «кукла» была бытием, а её части были её определениями. В процессе же рассмотрения рука, нога и голова куклы стали бытием, а «кукла» стала определением для них. Какая рука? – Рука куклы, куклина рука (аналогично: голова куклы, нога куклы и т.д.). Таким образом, целое соединилось с каждой из своих частей, соответствующих его природе. Но оно соединилось с ними потому, что оно от них (и они от него) и не отделялись **в сущности**. Голова куклы всегда оставалась головой именно куклы – будь то в сознании или на деле. Получилось, что анализируемое с помощью различных определений бытие – кукла, – сама стала синтезирующим (соединяющим) определением для своих «частей». А «части» синтезированы в целое, и дают ему его собственное определение в логическом плане (здесь можно опустить варианты определений: кукла без руки – она однорукая, но все же кукла, кукла без ноги – одноногая, но кукла, и т.д.): соединенные соответствующим их природе образом они и есть кукла.

Поэтому анализ и синтез не два разных пути и способа познания, а являются противоположностями одного познающего сознания, разделимыми лишь в абстракции. А основанием этого единства является их происхождение из практического анализа и из исследования вообще. Практический анализ не обращает внимания на «ненужное»: на корки апельсина, на скорлупки ореха, на оторвавшуюся руку куклы. Его интересует, как правило, лишь конкретное единичное как суть дела, в которой целое присутствует, но лишь как абстрактный общий момент, который можно не учитывать. Наоборот, для теоретического анализа, и для исследования вообще, в этом взаимном просвечивании целого и части только начинается главный интерес – углубление в предмет, в его сущность за счет аналитико-синтетического познания. Отсюда уже можно сделать вывод, что **родовым словом** для определения анализа является не «разделение» (в том числе – мысленное) предмета, а «исследование». А **специфическим отличием** определения является «различение частей целого и их соотношения друг с другом посредством

этого целого». Не расчленение, а различение. И это понятно: ведь если есть целое, то есть и части, а, следовательно - и «разделение». Нужно только найти момент тождества «части» и целого, одной части и других «частей». И это понятно: отождествляется различное, разделенное. В то же время, отождествление различных частей друг с другом объединяет предметы (в данном случае – части) в нечто одно, в целое. Но это уже синтез. А определение анализа следует сформулировать так: **анализ есть исследование, различающее части предмета и соотносящее их с целым и друг с другом посредством этого целого.** Целое в анализе является исходным, опосредствующим все движение исследования. Части же, как правило, выделены уже до данного исследования – предшествующими практическими и теоретическими исследованиями: аналитическими и синтетическими познаниями. В предыдущих исследованиях подобные «части» и подобные «целые» уже были возведены в мысли и поэтому, как правило, имеют дефиниции: определения соответствующих терминов и понятий. В дальнейшем дефиниции уточняются, уплотняются и, в конце концов, достаточно точно выражают сущность предметов. И без знания дефиниций в научном исследовании делать нечего. Иногда в научных дискуссиях можно услышать: «Это только спор о дефинициях», т.е. что-то неважное, второстепенное. Конечно, дефиниции не являются чем-то первостепенным. Но они суть итоги прошлых исследований и начало текущего исследования. Они могут быть «другими», неполными, неточными, но они не могут не быть. А их полнота и точность могут в дальнейшем добавляться. Они – и результат предшествующего синтеза, и начало нового анализа, который также завершится новым результатом единства анализа и синтеза: соединением частей=дефиниций в целое=дефиницию. Контур этого единства можно найти в «Науке логики» Г.Гегеля [2, с. 246]. Поэтому они находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, переходят в другое как в свое иное и не есть друг без друга. Они есть противоположные моменты одного процесса познания.

в. Синтетическое познание

Как практический, так и теоретический анализ в общем плане **предопределены** природой предмета исследования, его сущностью и понятием, которое мы или уже имеем, или хотим получить. Причем, сущность может быть не совсем познана или, даже, совсем не познана. Но она витает пред сознанием, как цель, как предполагаемое целое, в лучшем случае – как гипотеза. А конкретный данный анализ **определен** основанием, на котором он ведется. Таких оснований может быть бесконечно много, но они также должны соответствовать природе (хотя бы абстрактной, например - количественной в математике) анализируемого предмета.

Вот эта природа предмета и проявляется как основа синтеза, как постоянное **опосредствование определенности предмета его предопределенностью**. Процесс определения предмета – это такой процесс, в котором отдельные определенности самого предмета (в формальной логике их часто называют «признаками») возводятся с помощью языка (названий=слов и отношений между ними) в определенные мысли: в понятия. Ясно, что определения понятий предметов предопределены определениями самих предметов. А язык, на котором выражаются эти определения, не есть порожденный данным определяющим субъектом инструмент, а имеющееся налицо (непосредственное), но выработанное (опосредствованное) историческим развитием общества всеобщее средство выражения (и определения) мыслей о предметах. Национальные языки, на которых высказываются определения предметов, могут быть разными. Но сами мысли о предмете от их национальных особенностей не зависят, поэтому и определения предметов – не зависят от «национальности» языков. На каком бы национальном языке не давалось определение понятия «деньги», мысль будет зависеть не от данного языка самого по себе, а от глубины её проникновения в предмет и от способности выразить это проникновение (постижение) в понятии. Глубина же этого проникновения зависит от основания (в виде «определения», «сущности», «принципа», «природы» и т.д.), которое было найдено (предшествующим анализом) для данного анализа. Например, глубина экономического анализа Адама Смита определена выделением «труда вообще» в качестве основы анализа по-

нения «стоимости» и всех других экономических категорий, которые опосредствованы «трудом» и «стоимостью» в трудовой теории стоимости.

Когда определение предмета выражено истинным образом в мыслительном определении (в дефиниции), тогда предмет и мысль о нем становятся, в известном отношении, чем-то тождественным, тождеством мышления и бытия. Или просто бытием: чистым бытием, поскольку в нем: 1) и выделен определенный предмет, и 2) указано, что он есть. Кукла есть, следовательно, она – бытие. Пока, в начале исследования, – чистое бытие, только чистое бытие. Только «есть». До тех пор, пока она не берется с другими определениями: большая, пластмассовая, белая, Наташина и т.д. Рассмотрение её с другими определениями (будь то посредством анализа или посредством синтеза) делает её наличным бытием, чем-то отдельным, конкретным. А «чистое бытие» (куклы) остается позади рассмотрения. И это полученное наличное бытие предмета может быть либо более-менее знакомым (известным), или совершенно неизвестным. В первом случае предмет и его определения имеют названия и включены в язык и в общественное сознание. Этот предмет можно изучить по данным в теориях или практических знаниях определениям. Во втором случае анализ (синтез) имеет дело с чем-то новым, не включенным в общественное сознание и в язык, с самым первичным бытием. Это – **сфера науки и получения нового истинного знания, нового синтеза об этом бытии, т.е. синтеза в собственном смысле слова.** Понятно, что между этими ситуациями имеется принципиальное различие. Но есть и тождество: оно состоит в том, что познание движется к новому (неизвестному) посредством известного (хотя бы частично). И в этом движении известное и неизвестное опосредствуют друг друга и не есть друг без друга.

Познанное бытие и выраженное в языке новое знание, таким образом, есть всегда **синтез** нового и старого знания. Это и есть высшая форма синтеза – синтез как результат аналитико-синтетического опосредствования, как высшая форма научного познания. Например, в биологии новый открытый предмет – «ген» – назван старым словом с близким значением: род, порождающий, т.е. предопределяющий строение отдельных индивидов как родов-

в-себе и организацию групп таких индивидов. Это – результат единства аналитического и синтетического познания.

Таким образом, **на переднем крае науки**, где познаются новые грани (определения) бытия, синтез выдвигается на первый план и более значим и заметен. А **в системе изучения известных знаний** (понятий и их определений), т.е. в системе образования и в текущей научной работе, на первом плане стоит анализ: последовательное изучение (посредством преимущественно аналитического познания) того, что уже известно науке, по крайней мере – в значительной части. Но и в первом, и во втором процессе один момент отделим от другого только в абстракции.

Он только в абстракции, но – отделим! Э.В.Ильенков считает, и это вытекает из его концепции, что анализ и синтез совпадают [4, там же]. Да они, как моменты целого, совпадают в чем-то с этим целым и, посредством него, друг с другом. Но они и различаются, и потому – разделимы (в абстракции) как противоположные моменты этого целого. Эта противоположность в предмете исследования вызывает и противоположность позиций. Например, позиции Э.В. Ильенкова противостоит позиция И.Канта, который считал, что «Аналитический метод противоположен синтетическому» [6, 443].

Эти противоречивые отношения между аналитическим и синтетическим познанием и предопределили как упрощение, так и усложнение в понимании анализа. Упрощение обуславливается подменой способа рассмотрения (анализа+синтеза) неизвестного предмета способом рассмотрения известного науке предмета. А усложнение проблемы обусловлено подменой способа рассмотрения известного науке предмета способом рассмотрения неизвестного (нового) предмета. И в том, и в другом случае используется и синтез, и анализ. Но в одном, в познании (изучении) уже открытого наукой, на передний план выступает анализ, а в другом (в инновационной научной деятельности) – синтез. На это соотношение анализа и синтеза и наткнулся еще И.Кант в XVII веке. Но его интересовал, прежде всего, синтез как способность и деятельность сознания, обеспечивающая прирост нового знания. Поэтому он получил, скорее, отрицательное единство анализа и синтеза: развел их в разные стороны интеллектуальной деятельности. Т.е у него самого, помимо его воли, получился аналитико-синтетический результат,

но в метафизической форме: он и соединил их в нечто целое (т.е. осуществил синтез), и разделил их (т.е. оставил в фазе анализа), анализ есть анализ – синтез есть синтез. Важным здесь было осознание самой этой диспозиции, самого этого противоречия. А сложность понимания конкретного взаимодействия этих противоположных сторон противоречия обусловлена трудностями, свойственными самому предмету исследования.

Теперь можно дать такое определение синтеза: **это исследование, рассматривающее соотношение различных частей предмета и их целого посредством сущности целого.** Нахождение такой сущности или существенной части и есть фундаментальное научное открытие, которое проливает новый свет на все предшествующие понятия, выражающие сущность предмета. Она перестраивает всю систему понятий и, соответственно, всю теорию. Она – основа целого, а следовательно и синтеза. Синтез – не любое соединение частей, а их существенное объединение: единство существенного, опосредствованное общей сущностью. В синтетическом познании выделенные «части» тоже соотносятся с целым, но посредством сущности. И это соотношение с сущностью делает их именно определенными частями именно этой определенной сущности, а не грубо отделенными осколками целого.

г. О видах и способах теоретического анализа

Способов или «методов» теоретического анализа может быть бесконечное множество в зависимости от природы предметов исследования, от оснований и целей, по которым они исследуются. Но видов теоретического анализа имеется только два: первый состоит в различении определенностей (свойств, признаков, сторон и т.д.) предмета в нем самом, а второй – в поиске определенности предмета в сравнении с определенностями, взятыми из других предметов подобного рода или, даже, из других родов предметов. В первом случае сам предмет является родом для себя и для своих определенностей (целым для своих «частей»), а во втором – определенности являются родами для отдельного предмета: в нем отыскивают соответствия этим родам (которыми здесь становятся свойства, признаки, и т.д.). Когда говорят об анализе, то имеют в виду,

как правило, первый вид. Однако в практической деятельности часто используется и второй вид. Например, когда врачи исследуют больного человека (а не болезнь!), они соотносят его определенности («части» анализа) с уже готовыми, установленными на других пациентах, определенностями, которые стали теперь родами: температура – нормальная (нет повышенной), давление – нормальное (нет повышенного), сахар – в норме (нет повышенного) и т.д. А в результате этих «нет» возникает диагноз, как определение (итог) и синтетическое положительное определение состояния больного (и, соответственно, определение болезни). Или противоположное: повышенная температура (давление, сахар и т.д.) есть, а следовательно, отрицаются все предположения о нормальном здоровье и теперь исследуют причину температуры (давления, сахара и т.д.).

Анализ первого вида можно разделить на подвиды в зависимости от характера целостности предмета, которая может быть органичной необходимой тотальностью моментов, как в кукле или организме, а может быть внеположенной случайной совокупностью отдельных (да еще разных) предметов, как морковки в мешке или факты политической обстановки. В первом случае аналитик направляется самим предметом исследования, его понятием, а во втором случае – с помощью интуиции или случайного подбора ищет направление исследования и подходящие ориентиры (признаки, показатели и т.п.)

Таким образом, аналитическое познание не существует отдельно от синтетического познания, а вместе они являются моментами одного диалектического процесса и, соответственно, метода познания. Так называемые «анализ» и «синтез» – это абстракции, **выделенные** из единого процесса познания и метафизически изолированные друг от друга. В такой изоляции они заводят в тупик мышление и оно останавливается на «разложении» или «соединении». Суть же дела состоит в том, что они входят, как моменты, в один высший метод познания и в общий процесс познания как частные методы исследования предметов и явлений. **Высшим же методом, включающем большую совокупность частных методов, является диалектический метод исследования.**

Литература:

1. Безуглов И.Г., Лебединский В.В., Безуглов А.И. Основы научного исследования. – М.: Академический проект, 2008.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х т. Том 3. М.: «Мысль», 1972.
3. Гетманова А.Д. «Логика». – 8-е издание. – М.: Изд-во Омега-Л, 2005.
4. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997;
5. Методы логического анализа. М.: «Наука», 1977; Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. – М.: Изд-во ПЛ, 1984; Рута В.Д. Развитие концепции доказательства в философии Гегеля. М.: Изд-во РЭА им. Г.В.Плеханова, 2005.
6. Кант И. Логика. /Кант И. Трактаты и письма. – М.: «Наука», 1980.
7. Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики»/Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29.

3. Система методов и «системный метод»

Таким образом, обозначилось различие высшего всеобщего метода и частных методов. При этом частных методов, в свою очередь, также два вида: методы частных наук как преломление в них диалектического метода и общенаучные методы как моменты самого всеобщего метода. На основе этого деления можно выявить систему научных методов: философские, частные и общенаучные.

а). Философских методов имеется и используется два: метафизический и диалектический. Но поскольку они при всей своей противоположности, суть оба понятийные методы, а один из них является устаревшим, постольку можно сказать, что действительным истинным является только **один философский метод** – диалектический. И это не зависит от того, сознает ли какой-либо исследователь это или не сознает; использует ли он развитую научную форму этого метода или устаревшие формы (платоновскую, картезианскую, лейбницевскую, фихтевскую или какую-то ещё), в которых господствовала метафизика. Если сознает, то понятно. Если же не сознает, значит он пользуется им либо в старых формах (прошлых, т.е. метафизических), либо стихийно, неосознанно, следовательно бедно, неуклюже, а следовательно и неэффективно (Об эффективности и её критериях разговор особый). Дело в том, и это создает иллюзию подлинного философствования при использовании мета-

физического метода, что он также выражение истины, но, правда, только для своего времени. Скажем, Спинозовская или Лейбницевская формы метода были и **истинными и высшими в свою эпоху**. И они остались истинными системами философии, поэтому мы их и изучаем. Но они давно перестали быть высшими, а в этом смысле – и **не истинными**. Неистинными для нас, даже для И.Канта, не говоря уж о Гегеле. И если кто-то не может или не хочет вставить на почву развитого метода, то это его право, но, правда, и его беда.

б) Частных методов существует очень большое, но все-таки определенное количество. Оно определяется суммой частных наук, в которых используется диалектика, и моментов диалектической логики (категорий). Работа по точному выяснению этого количества и по их учету пока не выполнена. Впрочем, много сделано по разработке и способам применения этих методов: и в отдельных науках (как, например, политика, экономика, социология и др.) и по отдельным категориям (как, например, историческое и логическое, абстрактное и конкретное, качественное и количественное, явление и сущность, и др.).

в). Общенаучные методы суть также абстрагированные от логического метода моменты и более подробные логические разработки. Многие из них стихийно использовались до научных разработок логики. Они выросли в силу практического освоения отношений между вещами и фиксации этих отношений в лексической форме. Эти методы в основном используются стихийно, как было показано в параграфе об анализе и синтезе, как можно показать это же в отношении «метода индукции» и «метода дедукции», «метода абстрагирования» и «метода конкретизации», «метода количественного анализа» и «метода качественного анализа» и т.д. и т.п. В качестве общенаучных используются также **специальные методы** одних наук в других науках. Они выглядят как общенаучные, но в точном смысле таковыми не являются, как, например, «статистический метод», «метод наблюдений», «экспериментальный метод», «метод опроса» и др.

Часто говорят о системном методе. По недоразумению. Во-первых, все методы системны; они потому и методы, что отразили системы отношений между вещами в системе соответствующих понятий.

– Чей метод не системен: Платона, Аристотеля, Канта, Ньютона, Менделеева, Павлова?

– Сейчас мы ответим. А пока скажем: научное знание, и в части сбора эмпирического материала, и в части теорий, и тем более – методологии **системно по определению** – наука это систематически разработанное знание в понятиях. Другое дело, что некоторые граждане «ученые» мыслят не системно. Но тогда это не наука, а беда этих граждан: они имеют название «ученый» и «ученую степень», не будучи учеными. Ну, надо им посочувствовать.

Теперь ответ: конечно, методы всех ученых, особенно – выдающихся ученых, были системными, без систематических исследований и познаний нет науки. Поэтому дело не в системном методе и не просто в системе, а в истинности системы, претендующей на научность, в истинности метода, претендующего на научный. А для конкретной эпохи дело также и в том, лучший ли это на данное время метод, высший ли этот метод. Так называемый системный метод не только не высший, но и не истинный ни в каком смысле. А если уж быть совсем точным, он и не метод, а принцип деятельности как в науке, так и в любой сфере практической деятельности, где хотят действовать разумно, то есть в соответствии с логикой, хотя бы аристотелевской. Но лучше, конечно, в соответствии с диалектической логикой, которая, впрочем, включает и развивает формальную логику.

Часть II. Изучение и развитие диалектики классиками

1. Системы диалектики

Существует много разработок диалектики и ещё больше её интерпретаций. Однако логически разработанных систем диалектического метода познания имеется, как будет видно из дальнейшего, **только три**. Из них вполне логически развитая система диалектики **только одна** – гегелевская.

а. Два типа диалектики

Известны два наиболее распространенных значения термина «диалектика». Первый – под диалектикой понимаются взаимно увязанные противоречия и их разрешения в различных сферах природы и общества. Это, собственно говоря, понимание диалектики в широком, обычном смысле слова. Оно проявляется, когда говорят о диалектике Платона, о диалектике природы, о диалектике «Капитала» К.Маркса, о диалектике общественного развития... Но в узком смысле слова диалектика – это учение о всеобщих категориях, систематически развернутых в целостную логическую систему. Таких логических систем диалектики у человечества имеется только три: 1) логическое учение Аристотеля, изложенное в комплексе трактатов, в том числе наиболее полно в работе «Категории»; 2) учение о трансцендентальных категориях И.Канта, систематизированное И.Фихте и И.Шеллингом; 3) логическое учение Г.Гегеля, изложенное в «Науке логики». Никаких других систем диалектики или систематического изложения диалектического метода – просто НЕТ! Неудачные попытки такого рода были: Ф.Тренделленбург и неогегельянцы в Германии, Ф. Брэдли и Дж. Мак-Таггарт в Англии, Э.Ильенков и П.Копнин в России. Но они не дали приращения знаний о диалектике как цельной систематической связи категорий. Их работы суть варианты попыток применения некоторых открытых Гегелем законов диалектики к конкретным проблемам науки и философии. Но поправок и дополнений к логике Гегеля до сих пор нет. Сам Гегель рассчитывал, что поправки будут, хотя и незначи-

тельные. Во введении к «Науке логики» он писал: «Я, разумеется, не могу полагать, что метод, которому я следовал в этой системе логики или, вернее, которому следовала в самой себе эта система, не допускает еще значительного усовершенствования, многочисленных улучшений в частностях, но в то же время я знаю, что он единственно истинный. Это само по себе явствует уже из того, что он не есть нечто отличное от своего предмета и содержания, ибо именно содержание внутри себя, *диалектика, которую он имеет в самом себе*, движет вперед это содержание. Ясно, что нельзя считать научными какие-либо способы изложения, если они не следуют движению этого метода и не соответствуют его простому ритму, ибо движение этого метода есть движение самой сути дела» [1, 108].

И теперь, спустя почти 200 лет со времени написания книги, мы убедились, что другого такого систематического изложения диалектического метода (диалектики) просто нет.

А что же есть?

А есть, во-первых, диалектика всеобщая (или просто – диалектика), то есть объективно действующая система законов (логос) во всех сферах: природе, обществе и в самом мышлении, присущая всему миру в целом и каждому предмету в отдельности. Во-вторых, диалектика частная как проявление и выявление всеобщей диалектики в конкретных сферах, как применение (всеобщей) диалектики к какой-то конкретной предметной области. И в этом смысле последнюю можно назвать субъективной, но только по форме. Но по содержанию эта форма может быть и объективной. И, наконец, третье: эти объективные форма и содержание прекрасно, и **в основном – навсегда**, изложены в бессмертном труде Г.Гегеля «Наука логики».

б. Диалектика и диалектическое мировоззрение

Итак, с систематическим изложением и содержанием и формой диалектического метода более-менее ясно. А вот с диалектикой разных сфер жизни и соответствующих наук, включая всю совокупность наук и научное мировоззрение в целом, дело обстоит не так просто. Но и не так уж сложно, если под диалектикой понимать

именно два её вида: систематическое логическое изложение и частное научное применение. Опираясь на это отношение, посмотрим, как соотносятся эти виды диалектики у К.Маркса – наиболее последовательного и глубокого ученика Г.Гегеля. Причем К.Маркс сам признавал это и, как он пишет, «объявил себя учеником этого великого мыслителя».[3, 21].

Что касается частной диалектики, то никого, равных К.Марксу в этом искусстве, пожалуй, не было. Но, помимо этого, он также выражал намерение дать разработку и объективной диалектики. В письме Ф.Энгельсу от 14 января 1858 года он писал: «Для *метода* (курсив – К.Маркса) обработки материала большую услугу оказало мне то, что я по чистой случайности вновь перелистал «Логику» Гегеля... Если бы когда-нибудь снова нашлось время для таких работ, я с большим удовольствием изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме то *рациональное* (курсив – К.Маркса), что есть в методе, который Гегель открыл, но в тоже время и мистифицировал». [4, 212]

По смыслу высказывания получается, что у К.Маркса уже есть новый метод в сознании, но нет времени изложить его на 50 – 70 страницах. Думается, что такой вывод читателя был бы преждевременным. Если бы метод был готов вполне к изложению, то, как и любой текст, он сам просился бы на бумагу... Это хорошо выразил А.С.Пушкин в подобном случае: бумага тянется к перу, перо к бумаге... Речь, следовательно, может идти лишь о том, что К.Маркс имеет хорошо освоенный метод Г.Гегеля плюс критические замечания к нему, плюс идею (замысел) более сжатого изложения метода и направление его совершенствования. Что он был готов к такой работе, свидетельствует Ф.Энгельс: «Маркс был и остается единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое заключает в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек, в том простом виде, в котором он и становится единственно правильной формой развития мысли» [7, 496-497]. Поэтому можно понять, что у К. Маркса в этот период действительно не было ни времени, ни желания переключаться на другую, хотя бы и очень важную, проблематику, поскольку он был чрезвычайно занят со-

зданием и подготовкой к печати своего главного на тот период труда – «К критике политической экономии», этого прообраза «Капитала». О значении, которое они придавали этой работе, говорит продолжение мысли Ф.Энгельса: «Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, который по своему значению вряд ли уступает основному материалистическому воззрению» [6, 497]. Этот труд Маркса действительно был готов к изложению, а потому написан в короткий срок: с августа 1858 по январь 1859 года. Но все-таки затем-то, по прошествии длительного времени, казалось бы, можно было выкроить, в течение двадцати лет, также шесть месяцев на создание столь важного произведения – теперь уже о всеобщем методе познания. Однако замысел остался не реализованным. Почему?

Здесь возможны два ответа: или у него не хватило сил и таланта, или он осознал ненужность и, даже, невозможность нового изложения уже созданного и устоявшегося метода. Есть достаточные основания утверждать, что правильным ответом является второй. Не только потому, что он подтверждает утверждение Г.Гегеля о возможном совершенствовании в дальнейшем лишь отдельных сторон диалектического метода. Но и по существу дела, которое выясняется из дальнейшего исследования отношения К.Маркса к этому методу.

Из Предисловия к работе «К критике политической экономии» явствует, что К.Маркс работал над таким методом. Он пишет: «Общее введение, которое я было набросал, я опускаю...». Сам К.Маркс дает весьма неопределенное объяснение этого «опускания»: «...по более основательном размышлении решил, что всякое предвосхищение выводов, которые только ещё должны быть доказаны, может помешать;...» [6, 5].

Присмотримся к этому «Введению». Оказывается, что здесь есть целый параграф о методе. Правда, называется он «Метод политической экономии». Т.е, по нашему различию, речь идет о **частной диалектике**, о применении всеобщей диалектики к частной предметной области, это – **диалектический метод экономической науки**, диалектика, примененная к экономической теории. И по содержанию это, скорее, краткий общий комментарий к методу, чем изложение какого-то нового всеобщего метода. Это – разъяс-

нение отношений между экономическими категориями на основе диалектического метода. На основе гегелевского диалектического метода К.Маркс делает это сознательно и изящно, категории политической экономии логично выстраиваются, а их взаимосвязь помогает глубже понять историческое развитие и экономической мысли, и реальной экономики. И все-таки, это не всеобщий логически разработанный метод в собственном смысле слова, а разъяснение некоторых, хотя и наиболее трудных, методологических проблем экономической науки. Здесь К.Маркс вспоминает и Гегеля, критикуя его за иллюзию, «что реальное следует понимать как результат себя в себе охватывающего, в себя углубляющегося и из себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного». [5, 213 – 214]. Но эта критика относится не собственно к системе диалектики (методу) Гегеля, а к целостному мировоззрению Гегеля, в котором диалектика занимает центральное место. К тому же, в этом месте у К.Маркса конкретное подразумевается как эмпирически конкретное – конкретное как единство экономических явлений. У Гегеля же речь идет о теоретически конкретном, логически конкретном, конкретно-всеобщем. Поэтому уже третья категория «Науки логики» – «становление» – есть конкретная категория, поскольку она есть единство **противоположных** моментов. (Конкретное есть, по старинному определению философии, на которое здесь опирается также и К.Маркс, единство многообразных определений [5, 213]. Но К.Маркс понимал конкретное и в узком, точном смысле слова – как единства противоположных определений.).

Иначе говоря, содержание категорий в логике и в частной науке различно. В чисто диалектическом мышлении (диалектике) само мышление является своим содержанием. Поэтому нормально, что оно исходит из себя. Другое дело, что в системе мировоззрения в целом мы должны выяснить и объяснить: откуда и как возникает и развивается мышление на основе исторически развивающейся практики. Частный характер диалектики Маркса понимал и Ленин. Это видно из его замечания в конспекте «Науки логики»: «...диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь

частный случай диалектики» [2, 318]. Впрочем, и сам Маркс, видимо, осознал это в скором будущем. Представляется, что новое, общее для них, понимание сути дела выразил позднее Ф.Энгельс : «...в произведениях *Гегеля* (курсив Ф.Энгельса – авт.) мы имеем обширный компендий диалектики (латинское «компендий» означает: кратчайшая дорога, прямой путь – авт.), хотя и развитый из совершенно ложного исходного пункта» [8, 370].

Таким образом, надо констатировать, что к 1859 году, к возрасту своего акмэ , специальной **системы всеобщей диалектики** (всеобщего метода) К.Маркс не написал. Следовательно, пока истинной и высшей системой диалектики продолжала и продолжает до сих пор оставаться система диалектики, изложенная в «Науке логики» Г.Гегеля. Не создал К.Маркс такой системы и позднее. Но они с Ф.Энгельсом создали к этому времени нечто более фундаментальное – вполне научное мировоззрение, в котором место **диалектики как высшего метода научного познания** фундаментально переосмыслено.

Это место – центральное и, поэтому, В.И.Ленин называл диалектику «душой марксизма», т.е. главным, центральным в новом целостном научном мировоззрении. И это действительно так.

Литература:

1. Гегель Г.Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т.1. –М.: «Мысль»,1970
2. Ленин В.И. К вопросу о диалектике/ Полн. собр. соч., т.29.
3. Маркс К. Капитал. Т.1./ Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т.23.
4. Маркс К. Письмо к Ф.Энгельсу от 14.01.1858./Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т.29.
5. Маркс К. Введение (К критике политической экономии)/К.Маркс. К критике политической экономии. – М.: Госполитиздат, 1949.
6. Маркс К. Предисловие (К критике политической экономии)/ Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т.13.
7. Энгельс Ф. «Карл Маркс. «К критике политической экономии»/Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т.13.
8. Энгельс Ф. Старое предисловие к «Анти-Дюрингу». О диалектике/Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т.20.

2. Усвоение и развитие диалектики Гегеля

а. Гегель и преемники его философии.

В системе Гегеля философия завершила свое фундаментальное развитие. В гениальном труде «Наука логики» Гегель представил в развитой и систематизированной форме логический метод научного познания, основу которого заложил ещё Аристотель и который в разработке последнего служил человечеству почти без изменений больше тысячи лет. Поэтому не будет удивительным, если диалектический метод научного исследования, разработанный Гегелем, не получит сколь-нибудь конкретного развития в течение ближайших нескольких столетий. Но его будут долго и последовательно изучать, а его логическим законам следовать.

Можно сказать, что Гегель — это Аристотель современной эпохи. Как и Стагирит, Гегель был последним энциклопедистом своего времени. Нет ни одной отрасли философских знаний, в которой бы он не разработал целостной фундаментальной концепции. Будь то логика или эстетика, философия права или этики, философия истории или история философии — везде он оставил печать гениальности, всему дал целостную завершённую форму. Так что другой выдающийся немецкий мыслитель, Фридрих Энгельс, имел все основания сказать, спустя почти 50 лет после смерти Гегеля, что философия как всеобъемлющая наука завершила свое развитие и что от неё остались, в качестве самостоятельных отраслей, только логика и диалектика[5,25]. Это — знаменательная во всех отношениях характеристика современного Энгельсу этапа развития философии. И мы в целом с этой характеристикой согласны. Но Энгельс давал её при условии: «Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах»[5,25]. К сожалению, в полном объеме эта задача ещё далека от приемлемого решения. Поэтому перед современной философией стоит задача помочь наукам выяснить свое место в системе научного знания на основе совершенствования применения диалектической методологии.

Величайший авторитет Гегеля в философии практически никем из ученых и философов XIX и XX веков не оспаривался. Была

лишь поверхностная критика со стороны тех, кто, научившись у Гегеля, затем делал вид первооткрывателя логических опосредствований, сформулированных им в «Науке логики». Это тип беспомощного поверхностного критикана вроде Е.Дюринга или К. Поппера. А сразу после смерти Гегеля появилось несколько школ его последователей — старогегельянцы, младогегельянцы, левые гегельянцы и др. Но кто же стал подлинным последователем Гегеля, его преемником в философском развитии? И в чем состояла суть развития его философии? Сегодня, спустя 180 лет после его смерти, хорошо видно, что пользуются его наследием все, но самостоятельного практического идейного течения под названием «гегелизм» не существует. Существует много его последователей, приверженцев, изучающих, «обществ Гегеля», книг о нем и его философии, но целостного идейного движения на основе его философской системы как не было, так и нет. В то же время многие виднейшие ученые России и Запада изучали творчество Гегеля и признавали его существенное влияние на их мировоззрение. Некоторые, как выдающийся русский историк С.М.Соловьев, даже специально ездили в Германию для изучения концепции Гегеля. Другие, как А.И.Герцен, В.Г.Белинский, А.С.Хомяков, Н.Г.Чернышевский, Б.Чичерин, И.Ильин изучали «Науку логики» по немецкому оригиналу и считали его своим учителем в области **метода**. Что же касается философской системы Гегеля в целом, и особенно её политико-правовой части, то она практически сразу вызвала отторжение даже у его приверженцев. Думается, что неприятие вызвано, помимо теоретической стороны дела, также противоречием между монархизмом Гегеля и ростом буржуазных антимонархических настроений в XIX веке.

Единственным устойчивым и плодотворным преемником философии Гегеля, творчески подошедшим к философии великого классика и вполне принявшим его диалектику, остался марксизм, открыто провозгласивший свою преемственную связь с **диалектической методологией Гегеля**. Диалектика в марксизме справедливо называется «душой» всего идейного направления. Маркс и Энгельс не только защищали диалектику Гегеля от нападок и опозлений, но и использовали её как методологию в конкретных экономических, политических и философских исследованиях. В том числе

они проводили и самостоятельные исследования логики и диалектики, например в «Диалектике природы» Энгельса [5, 536 – 547]. Правда, законченной собственной работы по логике и диалектике они не создали. Но они радикально углубили понимание не только философских категорий, но и понятий истории, экономики, политики и других наук. Во всех их работах виден глубокий диалектический подход к исследованию. А «Капитал» К.Маркса стал блестящим и единственным в своем роде приложением диалектики Гегеля к познанию социальных, прежде всего — экономических, явлений. Других таких крупных преемников в философии у Гегеля не было, а мелкие ушли в тень марксизма.

Особенности преемственности диалектического метода представляется интересным провести на опыте одного из двух основателей марксизма — Ф.Энгельса.

б. Тожество и различие условий жизни и творчества Гегеля и Энгельса.

Условия жизни и творчество двух великих мыслителей отчасти совпадают, в том числе по предмету и методу исследований, а отчасти — различаются.

Совпадение обусловлено тем, что, во-первых, предметом их исследований были общие законы развития природы, общества и мышления. И тот, и другой были учеными-энциклопедистами, людьми чрезвычайно широких и глубоких познаний во многих отраслях науки. Оба мыслителя пользовались одним методом познания, разрабатывали всеобщий метод исследования — диалектический, причем Энгельс строго следовал логическим законам, сформулированным Гегелем, как с объективной, так и с субъективной стороны. Во-вторых, оба жили в одну историческую эпоху — в эпоху окончательного крушения феодального устройства общества и государства, хотя Энгельс застал и новую эпоху — эпоху пролетарских революций и диктатуры пролетариата. В-третьих, их молодость и начало научной и практической деятельности приходится на время буржуазных революций. В-четвертых, они подходили к явлениям окружающего мира, как к постоянно развивающимся, находящимся в универсальном взаимодействии. В-пятых, для них

не было тем, стоящих вне критического рассмотрения, всё исследовалось ими самостоятельно. Но между ними есть и различия. Гегель вступал в жизнь во время Великой французской революции, которую горячо приветствовал вместе со своими друзьями — Гёльдерлином и Шеллингом — и сохранил симпатию к ней до смерти. В период, когда его родину, Германию, оккупировала французская армия во главе с Наполеоном, он увидел прогрессивный характер деятельности Наполеона. Гегель встретился с Наполеоном на улице и потом дал ему высочайшую в его понятиях оценку: «Это был мировой дух на коне». Энгельс начал свою практическую и научную деятельность также в период революции — буржуазной революции 1848 года. Но это была не просто буржуазная революция в одной стране — в Германии, а революция общеевропейская, которая прокатилась освежающей грозой по старейшим феодальным монархиям Европы. Энгельс наблюдал не только расширение революции, но и её углубление за счет включения новой экономической и политической силы — организованного в профсоюзы, и даже в партии, рабочего класса. А в 1871 году он стал свидетелем первого крупного самостоятельного политического выступления пролетариата в форме Парижской коммуны. Поэтому его подход к изучению наук стал более радикальным и практически направленным. Также Энгельс работал в ситуации, когда на его глазах происходил значительный рывок в развитии науки. В зрелые годы он связал этот переворот в науке с тремя великими открытиями в естествознании: с открытием органической клетки (Т.Шванном и М. Шлейденем), способа происхождения видов животных посредством наследственности и приспособления (Чарльзом Дарвином) и закона превращения энергии (Р.Майером и Д.Джоулем). Более глубокое естественнонаучное познание мира также давало основание для более глубоких и более истинных обобщений. Творчество Энгельса опиралось на достаточно сильно проявившиеся к 1830–1840 годам плоды промышленной революции, проходившей сначала в Англии и Франции, а затем развернувшейся в Германии и во всем мире. Эта революция привела к невиданному ранее росту производительных сил общества за счет бурного повышения производительности труда, к бурному росту рабочего класса как момента этих производительных сил, к энергичному развитию грамотности и квалификации

рабочих, к их большей организованности и к современным формам рабочего движения, в том числе — профсоюзов. Все это убеждало его в первичности и в громадном значении практики в познании мира. Гегель уже понимал роль практики в процессе познания, но у него сама практика носит скорее характер практики познания, практики духовной деятельности. Наконец, Энгельс вступил в жизнь в ситуации, когда было уже готово здание философской системы Гегеля с её гениальным основанием — «Наукой логики». Так что начавший смолоду изучать диалектику у гениального предшественника, Энгельс сразу получил более глубокую методологическую подготовку. Именно эта подготовка позволила Энгельсу уже в молодые годы сделать ряд важнейших наблюдений и написать несколько выдающихся произведений.

в. Уяснение Ф.Энгельсом диалектического метода познания

Восприятие гегелевской диалектики произошло не в один момент, не сразу, а в ходе долгого изучения Энгельсом сложностей «Науки логики». В юности Энгельс наблюдал, как дважды за короткое время философию Гегеля пытались опровергнуть. Поэтому Энгельс мог убедиться, с одной стороны, насколько логичной и органичной была система Гегеля, а с другой — несмотря на довольно юный возраст, смог понять, насколько фальшивой была попытка ниспровержения системы Гегеля. Поэтому написал весьма остроумную статью с критикой Шеллинга, «философа во Христе». Это стимулировало Энгельса к более глубокому изучению методологии, и он стал специально подробно изучать философскую систему Гегеля и в том числе «Науку логики». Вскоре он стал свидетелем другого отрицания Гегеля: на авансцену философии выдвинулся молодой Людвиг Фейербах. Фейербах верно увидел главную слабость гегелевской системы, да и всей немецкой классической философии, — опору на идеализм, на религиозную традицию, неизбежно ограничивающую человеческое познание. И Фейербах остроумно доказал, что не бог создал человека и вдохнул в него разум, а человек создал богов по своему образу и подобию. Поэтому Энгельс увлекся смелым для того времени подходом. Однако уже

вскоре он осознал недостаток и слабость фейербаховской позиции. Она состояла в утрате диалектического метода, разработанного в «Науке логики», в возрождении метафизического подхода к предмету исследования, в неспособности видеть источник движения и развития явлений.

Поэтому Энгельс наблюдал и отрицания гегелевской философии, и её устойчивость по отношению к ним. Это ещё более укрепляло его доверие к диалектике и убежденность в её истинном характере. Тем не менее, его собственные исследования общества и общественных отношений в Англии того времени привели его к осознанию противоречия между истинным прогрессивным методом (диалектикой) и ограниченной системой философии Гегеля в целом, его реакционной социальной философией. В поисках разрешения этого противоречия Энгельс одновременно с Марксом пришел к отрицанию мировоззренческой основы философии Гегеля, которой был религиозный идеализм и мистическая «абсолютная идея». Они пришли к отделению того ценного и всемирного, что имелось в системе Гегеля, от того ограниченно-немецкого и периферийного, чем она была переполнена. К отделению диалектики, изложенной в «Науке логики», — от её натянутых приложений к отдельным наукам. При этом не отрицалось, что во всех науках Гегель сумел наметить руководящие линии исследований. Они прекрасно понимали, что другой, более развитой философии и, особенно, другой диалектики просто нет. Поэтому они сохранили к Гегелю позитивное отношение и до конца жизни учились у него. Одно время (в 1858–1859 г.г.) была у Маркса попытка дать более концентрированное изложение «Науки логики». Но позднее он от неё отказался, осознав необходимость **подробного рассмотрения переходов от одного понятия к другому**. На примере своей работы над прообразом «Капитала» он, видимо, понял, что сложные законченные вещи органично сократить невозможно, а сокращать механически — вредно [4, 60 – 63].

Большую роль в освоении диалектики Энгельсом сыграл процесс подготовки и издания работы К.Маркса «К критике политической экономии» в 1858 году. Энгельс написал «Введение» к этой работе, где, помимо чисто экономической стороны дела, разъясняет читателям новизну метода Маркса. Он пишет: «Маркс был и оста-

ется единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое заключает в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек, в том простом виде, в котором он и становится единственно правильной формой развития мыслей. Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает материалистическому основному воззрению» [6, 235]. Несмотря на столь высокую оценку, следует сделать вывод, что этот метод не заменил «Науки логики». Выражается Энгельс весьма осторожно: «мог взять на себя». А из марксова описания своего метода в этой работе следует, что он разработал не всеобщий диалектический метод, а метод конкретной науки, точнее — адаптировал всеобщий диалектический метод к материалу конкретной науки, дал образец того, как нужно использовать этот метод в исследовании экономических процессов. К.Маркс заменил не сам всеобщий метод Гегеля, а его идеалистическое основание, заменил идеалистическое понимание места и роли метода в мировоззрении на понимание диалектического метода материалистически, в составе материалистического мировоззрения. Тем самым он дал методу вполне научную основу. Или, как говорил В.И.Ленин, прочитал и истолковал гегелевский метод материалистически. Само же содержание и логическое движение категорий диалектики осталось тем же самым, что и у Гегеля. Маркс писал в Предисловии к «Капиталу», что-де поставил диалектику на ноги. Но: ставь её на ноги или пусть она стоит на голове, все равно основное содержание в ней останется тем же самым, что изложено в «Науке логики» Гегеля. Основание, конечно, влияет на обоснованное, но последнее имеет и самостоятельное значимое содержание. Всеобщие категории сняты во всех понятиях частных наук. Но они только сняты... А этого для всеобщего метода мало. Он должен быть представлен и в самостоятельном, чистом виде. В других науках категории диалектики незримо присутствуют как общее условие понимания объектов исследования. Но сами категории и их особая взаимосвязь должны иметь и самостоятельное выражение. Такое выражение они имеют до сих пор *только* в «Науке логики».

Даже постановка вопроса о сокращенном изложении «Науки логики» не имеет перспектив, поскольку была реализована самим Гегелем в так называемой «Малой логике» — кратком конспекте «Науки логики» для студентов. Так что сокращать в ней что-либо в чисто научном отношении нечего. А у Гегеля был и еще более краткий конспект для гимназистов: «Философская пропедевтика». Но и этого недостаточно для действительного изучения диалектики. По-видимому, Энгельс осознал главное: дело не в уяснении смысла, не в общем представлении о порядке следования категорий, не в запоминании определений, не во взаимных простых отношениях категорий, а в самих **логических переходах** от одной категории бытия к другой, во **взаимной рефлексии** категорий сущности, в уяснении опосредствования категорий. Дело в самой системе опосредствования одних категорий другими категориями и целым, в котором они рассматриваются. Ведь для непосредственного интеллектуального созерцания, здесь и теперь, эти категории уже подготовлены предыдущим развитием философии. Опосредствованы трудной историей философии. Например, категория «бытие» нам известна со времен Парменида и Аристотеля. Но момент непосредственности бытия, непосредственную связь бытия и ничто, непосредственный их переход друг в друга разъяснил нам только в XIX веке Гегель, то есть спустя более двух тысяч лет. Осознав это, Энгельс еще раз убедился в духовной высоте и истинности диалектики Гегеля. И с этого времени стал активным пропагандистом, проводником диалектики в науку и защитником Гегеля от нападок.

Поэтому можно сделать вывод, что Маркс и Энгельс в «Капитале» и «Диалектике природы», в других своих произведениях только последовательно применяют диалектический метод исследования и изложения, взятый у Гегеля, к конкретным отраслям знаний о природе и обществе. Этот вывод сделал еще в начале XX века В.И. Ленин, который писал: «Гегелевскую диалектику, как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением немецкой классической философии. Всякую иную формулировку принципа развития, эволюции, они считали односторонней, бедной содержанием» [3, 53].

г. Развитие Ф.Энгельсом диалектического метода познания

Главным в развитии диалектики марксизмом явилось то, что она была соединена с материализмом и, тем самым, создано новое целостное диалектико-материалистическое мировоззрение. Это мировоззрение позволило правильно определить место диалектики в системе научного знания, её роль в научном познании, её взаимодействие с практикой как источником, критерием истины и целью познания. Это новое понимание диалектики Гегеля они распространили на все сферы своей деятельности: не только на научные исследования, но и на практику, в том числе на практику политической борьбы. Именно в этом и заключалось развитие диалектики Гегеля.

Думается, что не случайно именно Энгельс уделял непосредственное внимание разработке диалектики и готовил фундаментальный труд о ней. На это его толкало то обстоятельство, что ему пришлось больше заниматься современным состоянием естествознания и обществознания. Он взялся за это потому, что в науке господствовали идеализм и противоположный диалектике метафизический метод познания. Потому, что философия природы и общества оказались у Гегеля значительно слабее и консервативнее метода. Потому, что метод и система в философии Гегеля вошли в глубокое противоречие друг с другом.

Свои исследования Энгельс вел в двух направлениях: в направлении диалектического исследования природы и в направлении исследования общества. Первое осталось незаконченным: слишком велика была задача. Тем не менее, из результатов этих исследований последователям Энгельса удалось развить стройную систему диалектических взглядов на природу — диалектический материализм, основу которого Энгельс изложил в подготовительных материалах, озаглавленных «Диалектика природы». Второе направление было больше развито, поскольку именно оно составляло непосредственный интерес всей работы и борьбы основоположников марксизма. Именно поэтому оно оказалось более разработанным и получило название исторический материализм. Обра-

зец применения диалектики и материализма к проблемам общества Энгельс дал в выдающемся произведении «Анти-Дюринг».

Но Энгельс разрабатывал и собственно проблемы диалектики. Наиболее известна формулировка им так называемых трех законов диалектики. Сама эта цифра *три* сыграла здесь роль тормоза для изучающих диалектику. За цифрой три всегда чувствуется некая завершенность явления. Так что новички воспринимают дело так, что существуют только три закона диалектики: закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных изменений в качественные изменения и закон отрицания отрицания. Сам Энгельс не формулировал единственности этих законов, да и законами назвал их два-три раза. Эти законы не рассматриваются здесь во взаимной связи друг с другом и с другими законами как нечто самостоятельное, а навязаны ему логикой полемики с Дюрингом, который их особо выделил. Дело в том, что здесь термин «закон» употребляется в общем смысле слова. И в этом смысле каждая диалектическая категория представляет собой некоторого рода закон — постоянно, периодически воспроизводящуюся в явлении сущность, устойчивое в существовании, спокойное в явлении. Например: поскольку бытие есть лишь как преходящее, можно сформулировать «закон прехождения». Это верно как положение, известное, кстати, с седой древности: все преходяще, все течет. Поэтому изучать нужно не только эти три закона, а все категории диалектики и, особенно, переходы между ними, их взаимодействия. Ведь поскольку категории диалектики имеют форму всеобщности, а сама форма всеобщности в природе и есть закон, постольку каждая категория есть, в каком-то смысле, закон.

Подобная ситуация сложилась в другое время с выделением так называемых «основных черт» диалектики в известном параграфе «О диалектическом и историческом материализме» знаменитого «Краткого курса истории ВКП(б)». Таких «черт» было выделено четыре [2, 101 – 104]. Эта характеристика также стала источником догматизации марксизма — вместо цельной диалектической логики начали изучать только «четыре основные черты». Оправданием такому подходу может быть лишь историческая ситуация, в которой неграмотные миллионные массы остро нуждались в знаниях. В этом отношении, меньше оправданий у сотрудников Института

марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, допустивших грубые ошибки при переводе отдельных диалектических понятий из произведений классиков. Например, Энгельс в «Анти-Дюринге» пишет: «...alle die Gegenstände, um die es sich handelt, — sind, existiren» [9, 40] Здесь sind можно было бы просто перевести в духе естественного языка, как это делают обычные словари — «быть, существовать». Это было бы точнее, чем «суть» [5, 42] — более конкретное и менее самостоятельное понятие, чаще используемое в словосочетаниях «суть дела», «суть бытия», где обозначен поворот к сущности или к чему-то, стоящему за бытием. Например, переводчики «Науки логики» удачно используют «суть» вместо «есть» (sind) при рассмотрении категории «становление»: «Они, следовательно (речь идет о бытии и ничто — А.К.), *суть* (курсив — Гегеля и переводчиков) в этом единстве, но как исчезающие, лишь как снятые» [1, 166]. Здесь термин «суть» указывает не только то, что противоположные определения есть как отдельные, но и что они есть в единстве, которое более существенно, чем они. В немецком языке для термина «суть дела» есть специальный термин «die Sache» — суть, суть дела. «Die Sache selbst» — сама суть дела, пишет Гегель [8, 285]. Русское «суть» богаче немецкого и означает как глагол, так и существительное. А здесь у Энгельса идет речь о самом простом, без соотношения с ничто, о чистом бытии — **есть**, существуют (ist, existiren).

Развитие Энгельсом диалектики состояло также в том, что он указал на её историческую ограниченность и указал перспективу её развития. В «Диалектике природы» он пишет: «Гегелевская диалектика так относится к рациональной диалектике, как теория теплорода к механической теории теплоты...» [6, 372]. Перспективу развития диалектики он видел в создании целостной материалистической теории развития, основы которой они с Марксом заложили в своих главных произведениях. Энгельс указывает на связь объективного движения, развития, с отражением развития в головах субъектов познания. И некоторые категории он разъясняет более просто, чем это делает Гегель. Впрочем, в этих областях сведение к простоте может подвести, как она уже подводила многих ранее. Энгельс весьма глубоко исследует категории сущности — тождество и различие, случайность и необходимость, противоречие т.д.

Интересно высказывается Энгельс о категории взаимодействия. Он пишет: «Взаимодействие — вот первое что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю в целом с точки зрения теперешнего естествознания... взаимодействие является истинной *causa finalis* вещей. Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия именно потому, что позади его нечего больше познавать» [6, 546]. Как известно, также категорией взаимодействия заканчивается учение об объективной логике в «Науке логики». За «взаимодействием», как его основа, у Гегеля следует «понятие», учение о понятии. Энгельс же говорит, по сути дела, что здесь познание пришло к понятию «материя». Материя, таким образом, есть у него основание взаимодействия, а изучение взаимодействия форм движения материи дает нам «самое материю». Поэтому дальше в познании идти некуда... Разе только к богу...

Энгельс, собственно, поставил здесь вопрос об отношении логики к теории познания, об отношении диалектики к теории познания, объясняющей взаимоотношения материи и познания. Ведь здесь вновь встает вопрос: как взаимодействует материя с сознанием, как сознание познает мир? Проблема весьма сложная и требует дальнейших исследований.

Наконец, Энгельс более просто излагает некоторые аспекты так называемой субъективной диалектики. Это он делает в отрывке «О классификации суждений». Здесь он снимает некоторые мистификации гегелевской концепции суждений и набрасывает свою простую схему развития и углубления суждений. Но, опять-таки, эта схема не заменяет и, тем более, не отменяет необходимости изучения цельной концепции понятия и суждения в «Науке логики» Гегеля.

Таким образом, преемственная связь гегелевской «Науки логики» и марксизма представляется довольно очевидной. Других самостоятельных преемников и продолжателей дела Гегеля, в общем-то, не было. Но и сам процесс преемственности затянулся на довольно длительное время, поскольку овладение диалектикой — не простое дело даже для таких титанов мысли, каким был Ф.Энгельс.

Литература:

1. Гегель Г. Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1970.

2. История Всесоюзной коммунистической партии большевиков. Краткий курс. – М.: ГИПЛ, 1938.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.26.
4. Подробнее об этом см. А.С.Казеннов «О системах диалектики»/Профессиональное образование: социально-культурные аспекты: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург 20–21 апреля 2010 года.
5. Энгельс Ф. «Анти-Дюринг» //К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., т.20.
6. Энгельс Ф. Диалектика природы. Там же.
7. Энгельс Ф. Карл Маркс. «К критике политической экономии»//Маркс К. К критике политической экономии. — Госполитиздат, 1949.
8. Hegel G.W.F. Phanomenologie des Geistes. — Berlin: Akademie — Verlag , 1971.
9. Fridrich Engels. Herrn Eugen Duhrings umwalzung der Wissenschaft/Karl Marks, Fridrich Engels werke. Band 20. – Berlin: Dietz Verlag, 1962.

3. Постигание В.И.Лениным диалектического метода

а. Опосредствованное изучение диалектики В.И.Лениным

Ленинский путь к познанию диалектического метода был удивительно прямым и коротким. В 23 года он уже был знаком с ним *посредством изучения главных произведений основоположников марксизма*. Он хорошо усвоил понятия экономического учения К.Маркса, а в 25 лет законспектировал книгу К.Маркса и Ф.Энгельса «Святое семейство», насыщенную реминисценциями о Гегеле и его философском методе. Ленин выписывает много мест, связанных с критическим освоением классиками философии Гегеля. В это время он научился свободно и правильно постигать понятия, отражающие закономерности развития капитализма и через эти конкретные понятия стал осознавать их подвижность и необходимость движения понятий вообще. Примерно в это же время он узнал о проблемах теории познания и включился в процесс познания законов познания. Возможно, о Гегеле он узнал ещё раньше, из произведений Н.Г.Чернышевского, читать которого Владимир Ильич любил с ранней юности. Уже в сибирской ссылке он знакомится с главной методологической работой Гегеля в ее кратком ва-

рианте, с так называемой «Малой логикой». Эта книга — краткий собственный гегелевский конспект большой логики — «Науки логики». Видимо, этот источник использовал В.И. Ленин при написании в 1908 году философского произведения «Материализм и эмпириокритицизм» (См.: Ленин В.И., Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч., т.18). Таким образом, это было все-таки лишь опосредствованное изучение диалектики, подход к исследованию фундаментального изложения диалектического метода познания в «большой» «Науке логики».

Однако главное, что вполне усвоил В.И. Ленин, так это мысли Гегеля о том, что «известное, оттого что оно известно, ещё не познано» и «понять — значит выразить в понятиях». Как понятия нет без соответствующего содержания, так и метода нет без соответствующего ему содержания. Единственным предметом изучения вне конкретно-исторического и естественнонаучного содержания для метода может выступать лишь сам метод. Вообще говоря, метод и есть содержание, вернее форма самодвижения любого содержания, любого предмета, поскольку метод — это всеобщее, т.е. отражает существенное во всех явлениях. Развитие этого содержания мы и наблюдаем в ходе истории философии от Декарта до Гегеля.

Историко-философскую сторону дела Ленин, видимо, оценил только несколько позже, на втором этапе своего изучения диалектики, при конспектировании гегелевской «Истории философии». Но он сразу оценил значение понятий для исследования всех, в том числе и социальных, процессов. Понятия философии, экономики, политики, выработанные в русском языке к этому времени благодаря мыслителям XIX века, позволили Ленину с самого начала схватывать проблемы в глубокой понятийной форме. Если, по слову Ленина, марксизм Россия «выстрадала» путем десятилетий изучения и борьбы, то она выстрадала его вместе с диалектической методологией. Ведь «Науку логики» Гегеля в России изучали больше, чем где бы то ни было, больше, чем в самой Германии. Почти все крупные философы, историки, юристы тщательно читали его книги и использовали в своей работе: Герцен и Белинский, Бакунин и Анненков, Б.Чичерин и Соловьев, Ключевский и Плеханов, и многие другие. Примером раннего глубокого использования Лениным понятийного и, в какой-то мере, диалектического метода мышления,

может служить использование им понятий «товар», «рынок», «товарное хозяйство» (Можно вспомнить, в скобках, что этими понятиями, даже в конце XX века, не могли овладеть многие профессора и академики). Из теории К.Маркса он прочно усвоил связи между этими понятиями и виртуозно их использовал. Он знал, что рыночное хозяйство означает «производство продуктов на продажу» (см. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.1, с. 66.). Это написано в 1893 году. Полемизируя с экономистом Постниковым, говорившим о «значении торговой площади хозяйства для страны вообще», Ленин пишет: «речь может идти только о такой стране, в которой денежное хозяйство является преобладающим, в которой большая часть продуктов принимает форму товаров» (там же, с. 29). Или: на рынке «имеет значение совсем не доход производителя вообще ..., а исключительно денежный его доход» (там же). Отсюда видно, что Ленин никогда не упускает из вида целого — общества. Видно, что анализ экономических явлений ведется в определенном обществе, капиталистическом обществе, в котором «регулятором общественного производства является рынок» (там же, с. 66). Ленин прекрасно понимает, что рынок — как экономическая основа капитализма — является той общей атмосферой, в которой только и могут быть взвешены и оценены все другие экономические понятия буржуазного хозяйства.

Интерес В.И.Ленина к гегелевской диалектике особенно возрос после изучения переписки К.Маркса и Ф.Энгельса и составления её конспекта. В отклике на эту переписку он замечает: «Если попытаться одним словом определить, так сказать фокус всей переписки, — тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет диалектика. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания её, — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» [2, 262]. Поэтому можно сказать, что В.И.Ленин и в дальнейшем использовал все возможности опосредствованного изучения диалектики.

б. Непосредственное изучение диалектики Г.Гегеля

Маркс и Энгельс не давали систематически изложенного ими диалектического метода исследований. В конце своего творческого пути они уже не видели необходимости создавать ещё одну диалектическую логику, помимо гегелевской. Они лишь указали, что изучать «Науку логики» нужно материалистически, поставив с головы на ноги — на почву действительно научного познания, на почву практического познания. И Ленин точно следовал этому указанию основоположников. Даже время изучения Лениным непосредственно диалектики обусловлено практикой. Наиболее интенсивное изучение Логики проходило во времена спада рабочего и коммунистического движения: сначала после поражения революции 1905–1907 годов, затем после начала мировой войны в 1914 году, когда напряженность политической борьбы несколько снижалась.

Чтение «малой логики» не удовлетворило требовательного к себе Владимира Ильича. И в 1914 году он снова засел за философские книги, прежде всего — за полный вариант гегелевской работы «Наука логики». К этой работе он подошел уже не как начинающий ученик, а как зрелый мастер, критически переосмысливая выдающееся произведение мировой философской культуры. В.И.Ленин не только конспектирует книгу, но и делает глубокие замечания и выводы. В частности, по завершении конспекта первого гегелевского предисловия к работе он заключает: «Перевернуть: логика и теория познания должна быть выведена из развития всей жизни природы и духа» [4, с.80]. После конспектирования предисловия ко второму изданию Ленин делает вывод: «Категории надо *вывести* (курсив — В.И.Ленина) (а не произвольно или механически взять) (не «рассказывая», не «уверяя», а *доказывая* (курсив В.И.Ленина), исходя из простейших основных бытие, ничто, становление (das Werden)) (не беря иных) — здесь, в них «все развитие в этом зародыше» [4, с.86]. Такой глубокий подход к диалектике стал возможен, помимо прочих условий, потому, что Ленин специально изучал философию, особенно немецкую классическую философию, когда в 1908 году работал над книгой «Материализм и эмпириокритицизм». Теперь он находит в «большой логике» подтверждение своим прежним выводам. Он записывает, отчасти словами Гегеля, вывод по фило-

софии И.Канта: «Следовательно, вещь в себе «не что иное, как лишенная истинности, пустая абстракция [4,с. 97]. И далее подчеркивает значение Г.Гегеля: «Это очень глубоко: вещь в себе и её превращение в вещь для других...Вещь в себе *вообще* есть пустая абстракция. В жизни в движении всё и вся *бывает* как «в себе», так и «для других» в отношении к другому, превращаясь из одного состояния в другое» [там же]. В то же время В.И.Ленин вырабатывает своё отношение к логике, к диалектике: «Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей — вот в чем суть ... Гибкость, примененная объективно, т.е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечно-го развития мира» [4, с. 99]. Только теперь, изучая большую «Науку логики», он понял и трудность изучения и все значение диалектической логики: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его 1 главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса полвека спустя!!» [4, с. 162].

В.И.Ленин изучил также другие гегелевские работы — «История философии», «Философия истории» (См.: Ленин В.И. Философские тетради. //Полн. собр. соч., т.29). О серьезности подхода В.И.Ленина к проблеме познания говорит также его конспект другого выдающегося философского труда — великого произведения Аристотеля «Метафизика». Сегодня даже среди философ-специалистов редко кто прочитал Аристотеля, а уж тем более законспектировал. Но Ленин усвоил из чтения Гегеля, что последний считал Аристотеля едва ли не важнейшим своим предшественником. Поэтому он со всей серьезностью отнесся к аристотелевскому трактату. Конспектируя Аристотеля, он делает важное наблюдение: «Логика Аристотеля есть запрос, искание, подход к логике Гегеля» [4, с. 326]. И шире, для всего греческого периода философии он заключает: «Именно приемы постановки вопросов, как бы пробные системы были у греков» (там же). Ленин не обошел вниманием и специальную литературу, посвященную философии Гегеля, в том числе книгу Иоганна Пленге «Маркс и Гегель». Чтение таких книг ещё более убедило Ленина в непревзойденном уровне методологии Гегеля и Маркса с Энгельсом. Как бы завершая этот период непо-

средственного изучения диалектического метода познания, Ленин делает краткие выводы из своего штудирования (в конспекте он говорит, что «Науку логики» надо не просто изучать — её надо «штудировать»). Эти выводы зафиксированы в коротком наброске «К вопросу о диалектике», в котором Ленин кратко рассмотрел и сформулировал некоторые основные категории диалектики. Показательно, что в первом же предложении этого наброска он говорит и о главном в диалектике, и о главных её разработчиках: Гераклите, Аристотеле и Гегеле. Отмечая, что «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его ... есть суть ... диалектики» [5, 316], он тут же замечает: «Правильность этой стороны содержания диалектики должна быть проверена историей науки» [5, с. 316]. Отсюда и вытекает задача по дальнейшему развитию диалектики: «Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники» [4, с.131].

в. Творческое развитие Лениным диалектики

Этим диалектика (теория познания) ставится на почву практики. Фактически здесь Ленин делает шаг в развитии диалектического метода познания и тем самым вступает в третий (творческий) этап изучения и развития диалектики.

Особое значение имеет в этом отношении ленинский набросок (черновик?) материалистического прочтения диалектики «К вопросу о диалектике». Здесь он формулирует главное, суть диалектики: «Условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанейном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть «борьба» противоположностей». Как бы завершая спор 1908 года с субъективными идеалистами, В.И.Ленин, опираясь теперь на знание «большой логики», пишет: «Диалектика и *есть* (курсив — В.И Ленина) теория познания (Гегеля и) марксизма» [5, с. 321].

К сожалению, советские философы, в том числе такие знатоки Гегеля и Ленина как Э.В.Ильенков и П.В.Копнин, больше занимались именно теорией познания, понимая её как *познание условий познания*, в отрыве от главного в познании, от диалектики, исполь-

зуя её как пример, образец, а не в её собственной форме, не в её целостности и связи с практикой познания. В результате у них диалектика была сама по себе, а теория познания — отдельно, по-старому, в домарксовых формах материализма. Но беда этого — старого, «метафизического» материализма — есть, по слову Ленина, «неумение применить диалектики к Bildertheorie, к процессу и развитию познания» [5, с. 322]. Однако сегодня понятно, что изучение и, тем более, «применение» диалектики, — задача не легкая, требующая большой самостоятельности и даже смелости. В отношениях диалектики и теории познания марксизма есть не только тождество, но и различие в той части теории отражения, которая связана с чувственным отражением и с практикой. Указывая на глубину этой связи, он заметил, выделяя шрифт: «Практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом» [4, 172]. Думается, что В.И. Ленин здесь дает образец самостоятельности и смелости в постановке и решении труднейших проблем диалектики.

В этот период развития марксистской теории познания Ленин формулирует несколько новых идей, отражающих сложнейший процесс — процесс познания, а также его значение для понимания закономерностей развития природы и общества. Так, он более точно формулирует положение о двух сосуществующих до сих пор концепциях развития: старой — метафизической, односторонней и неспособной к истинному отражению движения жизни и понятий, и новой — диалектической, способной выразить движение вещей в движении понятий. Новое и важное слово В.И.Ленина состоит в разъяснении роли практики в познании. Он говорит: «Практика выше теоретического познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности. Но и непосредственной действительности» [4, 195]. Вызывают интерес, особенно в наше время, его идеи о классовых и гносеологических корнях идеализма. Фактически, в своих конспектах «Науки логики» он разработал контуры концепции материалистического истолкования «Науки логики». Развивая эту концепцию сегодня, исследователи отмечают, что «Диалектика, став материалистической, приобрела наибольшую последователь-

ность, ибо всякий идеализм неверно изображает скачок от материи к сознанию»[1, 6].

Исследование ленинского пути постижения диалектики показывает, что В.И. Ленин, начиная с юного возраста, последовательно и упорно продвигался к познанию главного труда по диалектике — «Науке логики». Вместе с тем, он изучал диалектику на высших образцах применения диалектики в процессах познания и социальной практики у К.Маркса и Ф.Энгельса. Всё это позволило ему подняться до собственных обобщений и открытий в теории диалектики и практике применения диалектики к труднейшим проблемам экономического и политического развития. В частности, он впервые сделал четкое различие диалектики как всеобщего метода, как Логики с большой буквы, и диалектики прикладной, частной. В заметках «План диалектики (Логики) Гегеля» он пишет: «Если Marks не оставил «Логики» (с большой буквы), то он оставил логику «Капитала»[6, 301]. Здесь же он делает замечательный вывод о совпадении логики, диалектики и теории познания» «...не надо 3-х слов: это одно и то же». И это правильно и глубоко. Зная на личном опыте трудность постижения «Науки логики», ясно сознавая всю важность изучения диалектики для развития научного мировоззрения трудящихся и, особенно, членов партии и партийных работников, Ленин горячо пропагандировал важнейший труд Гегеля и рекомендовал глубоко изучать его гениальный труд.

Он, фактически, завещал специалистам из редакции философского журнала: «Конечно, работа такого изучения, такого истолкования и такой пропаганды гегелевской диалектики чрезвычайно трудна, и, несомненно, первые опыты в этом отношении будут связаны с ошибками. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция дают необыкновенно много. Группа редакторов и сотрудников журнала «Под Зна-

менем Марксизма» должна быть, на мой взгляд, своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики» [7, 30].

Такое изучение диалектики руководство советского государства старалось поддерживать: было впервые на русском языке издано собрание сочинений Г.Гегеля (причем, это было первое в мире издание собрания его сочинений не на языке оригинала), в каких-то аспектах она преподавалась в вузах, опосредствованно оказывала влияние на широкие слои населения. Поэтому представляется оправданной позиция, обосновывающая большое влияние Г.Гегеля на развитие России вообще и Советской России, в особенности. Такие авторитетные современные исследователи творчества Г.Гегеля как Ю.В.Перов и К.А.Сергеев пишут: «Сказать, что влияние философии истории Гегеля на протяжении полутора столетий не сравнимо с влиянием какой угодно другой философии истории, значит не сказать почти ничего, и тем не менее это так». И солидаризуются с мнением известного английского историка Э.Карра, считавшего, что «...в битве под Сталинградом сошлись в смертельной схватке две школы гегелевской философии, надо полагать, не из-за различий в трактовке параграфов его «Логике» [8, 7]. Интересно показано такое влияние в монографии О.Ю. Сумина «Гегель как судьба России». Он объясняет победу советской школы гегелевской философии тем, что: «...даже и с чисто субъективной стороны очевидно, что коммунистическое государство совсем сознательно делает стержнем своей идеологии «диалектику Гегеля» и пропагандирует пафос разума как философской, логически в себе определенной мысли. В то время как фашистское государство в качестве принципа своей идеологии имеет иррационалистический пафос мистического религиозного чувства» [9, 276].

Поэтому труды постижения «Науки логики» и пропаганды её изучения В.И.Лениным были необходимыми моментами его дела, дела сохранения и развития России и её народа.

Литература:

1. Золотов А.В., Попов М.В. Диалектика Гегеля. – СПб.: Изд. АГОи НИЭУиП, 2004.
2. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм / Полн. собр. соч., т. 18).

3. Ленин В.И. Переписка Маркса с Энгельсом/Полн. собр. соч., т. 24.
4. Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики»/Полн. собр. соч., т. 29.
5. Ленин В.И. К вопросу о диалектике/ Полн. собр. соч., Т. 29.
6. Ленин В.И. План диалектики (Логики) Гегеля/Полн. собр. соч., Т. 29.
7. Ленин В.И. О значении воинствующего материализма/Полн. собр. соч. т. 45.
8. Перов Ю.В., Сергеев К.А. «Философия истории» Гегеля: от субстанции к историчности// Предисловие к работе Г.Гегеля «Философия истории». – СПб.: «Наука», 2000.
9. Сумин О.Ю. Гегель как судьба России. – Краснодар: ПКГОО «ГЛАГОЛ», 2005.

III. Содержание и контекст первой категории диалектики: «бытие»

1. Бытие: слово и значение

Слово «бытие» кажется простым. Из-за этой простоты и малоупотребительности в живом разговорном и письменном языке, слово и термин «бытие» как нечто самостоятельное исследовались не часто. Даже у таких столпов философии как И.Кант, И.Фихте, И.Шеллинг термин «бытие» почти не используется. Они больше оперируют термином «реальность». А вот как категория «бытие» является одной из первых и важнейших категорий. Однако лишь со времен Гегеля категория «бытие» прочно утвердилась в учебниках по философии как обязательная. Но часто её представляют слишком сложно и она теряет статус исторически первой и, следовательно, простой категории. Правда, иногда, как например, в современном философском словаре [7], вовсе обходятся без специального рассмотрения термина «бытие». Другой «Новейший философский словарь» определяет термин «бытие» как «основу существования для мира в целом или для любой разновидности существующего» [6, с. 193]. Таким образом, бытие переводится в основу, т.е. в ряд категорий сущности – чего-то более сложного, чем просто бытие. А современный учебник по философии для высших учебных заведений усложняет еще больше: «Бытие есть единство форм и способов существования. Оно представляет собой особенное, специфическое существование, которое характеризуется некоторым набором свойств» [7, с. 97–98]. Тогда как понятно, что речь идет о первом, простом, определении бытия. Определение, во-первых, не строгое. Вместо слов «некоторым набором свойств» – можно поставить просто «свойствами». Выражение, «которое характеризуется...» может относиться и к собственно бытию, и к «единству форм и способов существования», и к «специфическому существованию». «Бытие», как некое единство «форм и способов», получилось каким-то множественным и сложным понятием, как например, понятия «жизнь», «общество» и т. д. Во-вторых, если бытие только

одно «особенное, специфическое существование», то наряду с ним имеются другие, такие же специфические, существования, характеризующиеся другим «набором свойств», но равных с ним. И, следовательно, бытие не одно. О других таких «существованиях» ничего не говорится. Получается противоречие: ведь существование есть категория сущности как «существенное бытие», а не как простое бытие, бытие вообще [5, с. 111]. Спрашивается, о каком же бытии идет речь: о существенном бытии или о простом бытии, т. е. о бытии вообще, о чистом бытии. О бытии или о сущности? Бытие, просто бытие, чистое бытие, вообще не имеет никаких свойств, как, собственно, и вообще не имеет в этом статусе никаких определений. И именно неопределенность отличает его от других, определенных, категорий и даже составляет его «определенность».

Наряду с указанным выше подходом существует иной, противоположный по виду, подход. Он выражается формулой: «Бытие — это всё, что нас окружает». Например, «бытие ... в узком смысле слова — это окружающий мир, существующий независимо от сознания, в широком — это все существующее» [12, с. 225]. Но на самом деле суть первого и второго подходов одна. Она состоит в парменидовском понимании бытия как единого, универсального, неделимого и неподвижного. В определении «всё», конечно, отражается «единое бытие» Парменида. Но бытие само по себе нас не окружает. Нас окружают конкретные единичные вещи: столы, стулья, книги и т.д., присутствие которых и указывает на бытие. Это понятие, правда, является главным, начальным, определяющей стороной предмета — без неё никаких других сторон нет. Именно поэтому категория «бытие» является первой логически и исторически (у Парменида).

Наконец, существует позиция, которая соединяет эти два подхода и в какой-то мере выходит на истинное понимание бытия. Она хорошо сформулирована известным с советских времён философом А.Г.Спириным: «Бытие есть всё то, что есть» [11, С. 14]. Почти та же формула, что и предыдущие. Однако ...

Здесь, с одной стороны, правильно схвачена простота и самотождественность категории «бытие», но с другой стороны — всё же, по-прежнему, витает образ и значение парменидовского бытия в словосочетании «всё то». Причём, вот это «всё» в данном контексте

просто излишне. Это, собственно, повторение, поскольку «то» предполагает и одно, и всё – любое «то». Поскольку бытие, взятое как «чистое бытие», не имеет определений [4, с. 218], постольку можно сказать о просто бытии, о «только бытии» или о «чистом бытии», просто – **бытие – это то, что есть**. Звучит как тавтология. Но это не тавтология. Такова природа этого понятия: оно выражает тождественность бытия самому себе и обращенность к «другому»... Существование, стремящееся к действию... В обращении к «другому», к действию по отношению к «другому», оно прежде всего фиксирует то, что оно, это «другое», **есть**, что оно также **есть**, как и само **бытие**. Просто и глубоко выразил это соотношение М.В.Попов: «Самая простая категория диалектики — бытие.

Самое простое бытие — *чистое бытие*, то есть бытие без всякой дальнейшей определенности. Кроме того, что оно есть, *ничего* о нем сказать нельзя. Хотя весьма существенно, есть что-либо или нет. Самый плохой хлеб, который есть, лучше самого хорошего хлеба, которого нет» [10, 11]. Используя данный пример для дальнейшего хода размышлений, можно заметить: хлеб есть, когда его можно есть или уже едят.

Поскольку категория «бытие» взята как чистое и неопределенное понятие, постольку от понятия у неё есть, собственно, только оболочка, что-то совершенно внешнее. И в этом внешнем она тождественна слову. В предложении «Дед Мороз есть» слово «есть» вполне выполняет функцию пустого понятия: да, он есть, и это сразу делает Деда Мороза бытием, правда – только чистым бытием. А есть ли он как наличное бытие, а тем более – есть ли он как действительное бытие, то это другой, второй и более сложный вопрос.

Больше понятие и слово «бытие» изучалось в Германии – там и в XX веке сохранилась традиция их скрупулёзного рассмотрения. Э. Гуссерль и М. Хайдеггер, К. Ясперс и М. Шелер не упускали из вида его классического анализа в философии XIX века, прежде всего – в системе Г.Гегеля. В известной мере можно говорить о традиции таких исследований во Франции: Ж. Сартр, Ж. Делез, А. Бадью. И теперь, в XXI веке, постижение категории «бытие» снова актуально, поскольку это – вечная проблема познания человеком окружающего его мира и самого себя в нём.

К исследованию категории «бытие» возвращаются всякий раз, когда происходит очередной структурный кризис в философии. Тогда мысль о бытии снова становится важной, снова изучаемой, снова необходимой. В такой ситуации, вдруг, появляются замечательные формулы, в которых ясно отливается понимание бытия. Такова, например, формула Декарта «*Cogito ergo sum*»: «мыслю, следовательно существую». Хотя можно было бы перевести так: «Мыслю, следовательно есть» или «Мыслю, следовательно, я есть (бытие)». В этой формуле уже преодолено ограниченное понимание бытия, бытие уже отвлечено из «всего, что нас окружает», из «форм и способов существования» в сознание, в «я», в мышление. И в этом мышление и бытие тождественны.

Другой, отчасти противоположной, формулой этого понимания неотделимости бытия от мышления является выражение Дж. Беркли «*esse – percipi*», т.е. «существовать значит быть воспринимаемым», (хотя можно было бы перевести и так: «Мыслимо, следовательно, есть»). И это понятно: в первом случае – если некто уже мыслит, значит он, по крайней мере, есть, т.е. он – бытие (при всей многозначности термина «*cogito*»); во второй формуле – бытие есть только как мыслимое, как отражённое в мысли, т.е. если мысли о нём нет, то и бытия, поскольку оно только мыслимо, тоже нет (при всей многозначности термина «*percipi*»). Причём под «нет» имеется в виду отсутствие мыслящего, того, кто скажет это «есть», кто начал исследовать какой-нибудь предмет. Только мышление, по мнению Дж. Беркли, возводит вещь, свойство или иной предмет в понятие и делает его, таким образом, «бытием», т.е. мыслит его как бытие, а не как просто вещь. Дж. Беркли прав в том смысле, и поэтому является выдающимся философом, что вещь, чтобы быть познанной, должна быть возведена в сознание, в мысль. Но он заблуждался, что вне сознания вещь не имеет определений. Дело как раз и заключается в том, что мы определения бытия пытаемся адекватно возвести в определения сознания и, лучше, в определения его высшего уровня – мышления. Иногда это получается удачно, тогда определения навсегда входят в общественное сознание, как, например, определения человека, общества, государства, мышления, сформулированные Аристотелем.

Обыденное сознание не задумывается об этой стороне своей деятельности: оно оперирует образами и представлениями как вещами. Но наше мышление в точном, научном смысле слова обязано в XXI веке различать вещи и образы вещей, образы и понятия вещей. Т.е. брать вещи в их мыслимом содержании, а не только в чувственном или представляемом наполнении. Если берут вещи в их бытии, а не в представляемом физическом или социальном содержании, то да: бытие есть как мыслимое. Предмет, рассматриваемый в самом начале исследования, берется еще без определений, следовательно – как чистое бытие, как мыслимый, как только что взятый в мысль. Бытие есть предмет, возведенный в мысль, в понятие. И эта мысль должна быть (в научном исследовании, а желательно и во всяком размышлении) жестко утверждена: есть предмет исследования или его нет. Нет, так и исследования нет, поскольку нет бытия.

В сознании «бытие» прежде всего суть слово. «Бытие есть слово». По виду это определение, но по сути это не определение. Это – довольно внешнее указание на переведённый в область знаний предмет.

Слово «бытие» интересно и в других отношениях. Во-первых, тождественностью его глагольных коррелятов (но не только глагольных) почти во всех индоевропейских языках. С минимальными изменениями оно слышится в похожем звучании на многих наречиях.

Во-вторых, различием пребывания в индоевропейских языках существительного «бытие» и глагола «быть». Как существительное оно во всех языках имеет различное национальное произношение: бытие, *ontos*, *sein*, *etre*, а как глагол – весьма близкие по звучанию формы; особенно в настоящем времени: *есть*, *ist*, *est*, *asti*, *esse*, *is*, *exist* и т.д.

В-третьих, глагол «быть» со всех языков в словарях переводится: «быть, существовать». Т.е. «быть» и «существовать» в словарях не различаются. И хотя в естественных языках это действительно близкое словоупотребление, по сути «быть» и «существовать» – это термины разных планов: все существующее есть, оно бытие, но не всякое бытие – «существующее».

В-четвёртых, понятие «бытие», как уже видно из предыдущего пункта, близко к понятию «сущность». Но оно не сущность. Теперь нам, после Г. Гегеля, это понятно. Но до Гегеля, а особенно – в античности, бытие и сущность почти не различались или различались минимально. Даже у Аристотеля под сущностью понимается, скорее, бытие. В греческом языке «ontos» и производится от «eimi» (быть) [3, 374 и 889], и имеет значение «действительно, в самом деле, по истине», т.е. чего-то существенного, сущностного. Получается, что так называемая «онтология» является и знанием о бытии, и знанием о сущности, о том, что действительно, по истине, есть. Ведь ясно, что изучая бытие, философия стремится познать именно истину бытия, сущность бытия – то, что стоит за бытием.

В-пятых, слово «бытие» каким-то образом связано со словом «истина». И это также не случайная связь. В древнегреческом языке слово «aleteia» (истина, правда) имеет также и значение «действительность», т.е. истинное бытие. А древнегреческое «to on» (сущее) [1,684] означает также и «правда», «по истине», действительно [3, 374]. В русском языке истина суть то, что есть на самом деле, т.е. она – отражение бытия, которое действительно есть. И термин «истина» обычно не различают от термина «правда». Используют их, обычно, в одном значении. Но в отличие от слова «правда», с помощью которого фиксируется какая-то одна сторона предмета и которое часто используется для противоположных характеристик предмета, истина предполагает однозначность. Русское слово «истина» как будто родственно немецкому глаголу «быть» в настоящем времени – ist = есть. Но и по-немецки истина – Wahrheit. Г. Гегель прямо указывает на этимологию этого слова от «war» (был): глагола sein (быть) в прошедшем времени. И хотя некоторые этимологи эту связь отрицают, философ, видимо, все-таки прав. Ведь и в будущем времени у этого немецкого глагола – gewesen – слышно «сущность» (Wesen), т.е. снятое бытие. В том числе снятое в сознании, в истине, бытие. И так оно и есть: ведь в будущем настоящее будет присутствовать, правда, в качестве снятого. В том числе снятого в формах сознания.

В-шестых, этим словом выражается о предмете главное: есть ли сам предмет (каким угодно образом) или его нет. Это принципиальный вопрос любой речи, а тем более – исследования: если пред-

мета обсуждения нет, то нет и обсуждения. И именно по этому простому логическому основанию главный философский труд Гегеля «Наука логики» начинается с категории, выраженной словом «Бытие». Ведь с «ничто» нельзя начать вообще никакого дела, а, следовательно, и логики. Это значение «бытия» не открыл, а только подтвердил в XX веке немецкий философ М. Хайдеггер: «Но, что прежде всего «есть», так это бытие» [13, с. 192]. Однако его попытка сделать слово источником бытия представляется неубедительной [14, с. 303]. Ведь бытие можно обозначить не только словом, но и рисунком, символом, наконец, просто указать рукой или обозначить местоимением с указанием «есть».

В-седьмых, нет никакого другого слова, которое бы так часто произносилось на русском языке, чем глагол быть: был, есть, будет. Существительное «бытие» произносится, напротив, очень редко, как правило – в философских докладах и сообщениях. Поэтому в обыденной речи его практически не используют. Но в глаголах, связанных с этим понятием, оно присутствует в любой речи постоянно, используется даже детьми. Собственно, большинство предложений, а тем более – суждений, невозможно без глагола-связки «есть».

Имеется два типа звучания и написания неопределенного глагола «быть»: зависимые от времени в лицах – в прошедшем и будущем временах: «был» и «будет»; и независимый – «есть». Независимый он потому, что не выражает никакого отношения ни к говорящему лицу, ни к числу лиц, везде он один и тот же. А зависимые получили определенность: первые за счет окончания «и» во множественном числе, а вторые – за счет индивидуального окончания к каждому глаголу. Однако, в известном смысле глагол «есть» – более определённый: настоящее есть сейчас – видимое и слышимое и в единичности, и во множественности, а прошедшее и будущее более неопределённые: когда-то давно было, и неизвестно когда-то будет, да и будет ли вообще? В то же время «есть» содержит оттенок «всегда», а, следовательно – вне времени, во всеобщности.

И по существу, вне времени (всегда) есть только настоящее (вернее – мы при нём присутствуем; но оно будет и тогда, когда мы будем отсутствовать). Следовательно, вот это «есть» соединяет единичность сущего с всеобщностью (и единственностью) вечно-

сти, в которую уже канули или в будущем канут все преходящие вещи. Оно соединяет всё то, что есть, с тем, что было и будет.

Поэтому, это сочетание двух типов глагола (а не только трёх грамматических форм, двух видов и т.д.) – определённого и неопределённого, чрезвычайно оправдано логически и играет фундаментальную роль в познании. Следует обратить внимание на то, что типы глагола «быть» не безразличны друг другу, а соединены, посредством одного из них, в единство, в котором это «есть» не просто находится, а связывает прошлое «был» и будущее «будет» в такое целое, в котором крайние глаголы переходят друг в друга посредством среднего глагола. Эти переходы посредством глагола «есть» наличествуют почти в каждом произносимом (или написанном) предложении и выражаются: или прямо, или молчанием как знаковым прерыванием устной речи, или «тире» – в речи письменной. Это не два разных перехода, а один логический акт, одно логическое движение, разорванное абстрагирующей деятельностью рассудка на его простые моменты. Прошлое – это то, чего (уже) нет, оно перешло в настоящее. А будущее – суть то, чего также (еще) нет, оно только еще формируется из настоящего. Следовательно, весь этот логический переход есть движение от «ничто» к «ничто». Но это именно движение бытия. Движения бытия от ничто к ничто.

Наконец, в-восьмых, это слово имеет ещё один, весьма неожиданный, аспект. В единственном числе во всех лицах русский глагол «есть» в смысле «быть» совпадает по звучанию с глаголом «есть» в смысле: кушать, съедать, питаться, одним словом – есть. Представляется, что это – не случайное совпадение. По-видимому, дело идет о каком-то древнейшем смысле слова, общем для многих языков, в котором есть = быть и есть = кушать ещё не различались. Это верно и теперь, когда проблемы голода у большинства человечества нет. Однако, не покушал человек месяц – и его нет, не попил две недели и он – не есть. Поэтому корень и сохранился, с изменениями, во многих современных языках индоевропейского происхождения. В том числе и в похожем звучании на разных языках. Немецкий глагол *ist* очевидно коррелирует с глаголом *essen* (в настоящем времени третьего лица – *est*) – есть, кушать. Древнегре-

ческое «ἴστί» (исти; не правда ли похоже на немецкое «ist», русское «истина» и «есть», английское «is») является повелительным наклонением от глагола «εἶμι» (похоже на русское «ем» и «есмь») быть, существовать[3 : 374, 535, 643]. Но греческое слово «ἐστία» (естиа) означает также очаг, служивший местом кормления богов – алтарём. Другое древнегреческое слово «ἐστίαμα» (естиама) означает просто – пища, угощение, т.е. то, что можно есть. Также и латинскому «essen», «est», (ср. немецкое «essen», «est») – быть, соответствует «esum» (кушать) и «esca» (питание).[8: 25, 115, 318].

Это можно свести в следующей таблице:

Язык	Глагол есть=быть	Глагол есть=кушать (еда, очаг)
Санскрит	asti	asti
Древне- греч	isti	esti, asti
Латинский	est , esse	esum, esca
Персид- ский	hast,dastan	yasa,dastan
Англий- ский	be, is	bite, eat
Русский	есть	есть
Немецкий	ist	essen, est
Фран- цузск.	est, etre	estoma,atre
Чешский	yisti	jsi
Польский	Jest,byc	jesc
Шведский	ar	ar, ater
Эстонский	olema	olema,ulek
Датский	vere	vere, ede
Хинди	hona	khana

Из этих отношений явствует, что связь глаголов «есть» в смысле «быть» и «есть» в смысле «кушать» не только не случайна, но естественна и необходима. Она имеет, по-видимому, глубокие гносеологические, социальные и лингвистические корни.

Выводы, которые можно сделать из рассмотренных функций слов «бытие» и «есть» следующие.

Первый: очевидно, что существительное «бытие» и глагол «быть» являются древнейшими словами, входившими в древнейший индоевропейский праязык. Поэтому они и сохранились в развившихся из него европейских языках, сохраняя в себе едва измененной древнюю форму как свою суть. Они содержат эту суть в себе в снятом виде и она есть их «в себе» – внутреннее, возможность дальнейшего развития, определения.

Второй: очевидно, что глаголы «есть=быть» и «есть=кушать» – это важнейшие для человека слова, которыми он выражает существеннейшие потребности: быть и кушать. В известной мере для человека кушать и означает быть: месяц без еды и ...

Третий: очевидно, что именно эта их теснейшая связь с важнейшими сторонами повседневной жизни, с практикой, обусловила их более похожее звучание (соответственно и написание) в весьма далеких друг от друга, как нам кажется, современных европейских и азиатских языках.

Четвёртый: слова «бытие» (есть, быть) и «еда» (есть, кушать) длительное время сохраняют свою идентичность и тесную связь в противовес многим близким по смыслу словам, выражающим процесс еды и предметы еды. Например, в русском языке процесс еды выражается словами – питаться, насыщаться, потреблять, вкушать и т. д. Но они не имеют такого соотношения с глаголом «быть». Следовательно, связка глаголов «быть» и «есть» (кушать) – суть устойчивое соотношение слов, сохраняющееся в тесной связи с другими подобными словами во многих языках.

Пятый: такая устойчивая соотносительность указывает на существенность этой связи, на взаимодействие с сущностью. Впрочем, на это прямо указывают соответствующие слова в некоторых языках. В русском – быть = существовать, в латинском – esse = sum, summa, в английском – to be (is) = exist.

«Бытие» – слово, которое вместе со своим отрицанием – «ничто» – может выражать любой предмет, но лишь в том аспекте, в котором он есть или его нет. Именно «есть» делает абстрактное отдельное слово именем: это (есть) роза. Само по себе слово «роза» не имя, оно может выражать многие предметы, в том числе, например, рисунок с изображением розы. Оно и не термин, т.е. не выделяет предметы, не ограничивает смыслы слова «роза» кроме того, что она есть; а какая она? – это второй, отдельный вопрос.

Тем не менее, слово «бытие» характеризует любой предмет, оно относимо к любому предмету, который есть. «Это дерево есть» – следовательно, оно бытие (не в смысле логического следования, а в смысле простого указания на то, что оно есть, непосредственного тождества бытия и дерева в этой связке, если только последнее есть). «Есть», собственно, делает общее и пустое слово «дерево» именем рода отдельных предметов, к которому относится данный предмет. Так обстоит дело и с другими словами: только прибавление (даже подразумеваемое) глагола «есть» делает слово именем. Не в смысле «имени существительного» или имени собственного, а в смысле названия предмета или группы подобных предметов. Поэтому Аристотель и говорит: «А {возникает имя}, когда становится знаком» [2, с. 94]. Эту мысль правильнее было бы перевести так: «А возникает имя, когда слово становится знаком». Знаком же его как раз делает глагол «есть», связывающий слово с предметом или действием. Здесь ударение падает на «становится», т.е. находится в движении, в движении от слова к имени. Но тогда «есть» – источник имени, а бытие – первое, что можно сказать о предмете: первое имя, **первоимя**. Прежде, чем сказать что-то о дереве, как и любом другом предмете, оно должно быть. И о любом дереве, как и любом другом предмете, можно сказать: бытие. «Оно сказывается обо всех предметах, которые есть», – мог бы сказать Аристотель. И кто-то мог бы добавить: «И все сказывается о нем». Осталось бы лишь добавить: «О нем и как отдельном бытии (единичном), и как бытии вообще (всеобщем)».

И, тем не менее, как отдельного свойства, или как особого признака предметов, или как единичного предмета, или действия его нет. Оно есть только как всеобщее, являющееся в отдельных предметах, сущее только вместе с ними.

Почему? Потому что бытие само – основа признаков, начало их субстанции. Аристотель говорит о нём – «гипокайменон» (hupokeinon), которое переводчики переводят, чаще всего, как «подлежащее» – в смысле грамматики. Не уяснив этого различия между подлежащим и предметом, бытием предмета, объектом, они, затем, навешивают на него, чисто внешне, как колечки на крючок, любые «признаки», «свойства», «качества», «значения», «знаки», смыслы и пр.

Насколько сложно это различие, показывает сравнение переводов произведения Аристотеля «Категории» 1939 и 1978 годов. Вступительная статья Г.А. Александрова к переводу 1939 года называется «Категории бытия». Это не правильно. Аристотелевские категории относятся не только к бытию, но и к сущности, и являются определениями сущности. А сама категория «сущность» является у Аристотеля первой и важнейшей категорией. Таким образом, правильнее было бы озаглавить статью: «Категории сущности» или просто – «Категории Аристотеля», поскольку и все другие категории Аристотеля относятся к сущности как «роды бытия», а не как само бытие. В обоих переводах в четвёртой главе «сущностью» называется (в примере), например, «человек, лошадь». Это странно. Только что, в третьей главе, специально обсуждался этот вопрос и выяснилось, что «о подлежащем», как о сущности, говорится об «**определенном человеке**», об «**отдельном человеке**», а не о просто о «человеке» (имеется в виду: не о «человеке вообще», не о понятии «человек»). Далее, в пятой главе, посвященной специально категории «сущность», правильно говорится о ней и приводится правильный пример: «**отдельный человек или отдельная лошадь**» [1, с. 55]. И о них, как о сущностях, сказывается и имя, и определение – «человек», «лошадь», поскольку эти термины являются именно определениями лишь для «отдельного человека» или «отдельной лошади». О конкретной, этой лошади, мы говорим «лошадь», хотя это же слово (имя, термин) мы говорим обо всех лошадях как нечто общее. Поэтому и в четвёртой главе следовало сказать в примере – «сущностью называется **отдельный человек, отдельная лошадь**», как и говорит всегда Аристотель.

Из этого рассмотрения слова «бытие» получилось, что оно, используемое в повседневной жизни очень редко, на самом деле про-

низывает всякую речь в виде глагола «быть». Оно есть или подразумевается почти в каждом нашем высказывании, в том числе и в данном предложении. Это обусловлено теснейшей связью слова с жизненно важными аспектами индивидуального опыта и общественной практики. Именно в силу этой своей природы оно, в разных формах и произношениях, пронизывало с древности всю речь. И стало категорией, выражающей простое, но зато всеобщее отношение между словами и между словами и предметами. Рассмотрение категории «бытие» в этом аспекте способствует более точному и глубокому её постижению.

Вместе с тем, такое рассмотрение не отрицает, а предполагает необходимость исследований категории «бытие» в более сложных определениях: наличного бытия, в-себе-бытия и др.

Литература

1. Аристотель. Категории / Соч. В 4-х т. Т.2. – М.: Мысль, 1978.
2. Аристотель. Об истолковании. /Соч. В 4-х т. Т.2. – М.: Мысль, 1978.
3. Вейсман А.Г. Греческо – русский словарь. – М., 1991.
4. Гегель Г. Наука логики/ Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1974.
5. Гегель Г. В.Ф. Наука логики. В 3 т. Т.2. – М.: Мысль, 1971.
6. Майборода Д.В. Бытие // Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Минск: Книжный дом, 2003.
7. Новейший философский словарь. /Под редакцией профессора Ярошенко А.П. Изд. третье. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.
8. Основы современной философии. Учебник для высших учебных заведений. /Под ред. проф. М.Н. Росенко. – СПб.: Лань, 1997.
9. Подосинов А.В., Белов А.М. Русско-латинский словарь. – М.: Наука, 2000.
10. Попов М.В. Диалектика как метод философии истории.– Невинномысск: Изд-во Невинномысского института экономики, управления и права, 2010.
11. Спиркин А.Г. Философия. – М., 2009.
12. Философия. /Под ред. В.Н. Лавриненко. – М.: Юрист, 2008.
13. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме /Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993.
14. Хайдеггер М. Слово /Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993.

2. Бытие: имя, термин и определение

Слова, взятые сами по себе, т.е. изолированно от предметов и действий и друг от друга, ничего не означают. Они лишь звуки или знаки звуков: формы без содержания и содержания без форм. А само содержание приходит из связи слов с предметами, действиями и друг с другом посредством других предметов и соответствующих слов. Слова, как верно определил Аристотель, результат договора людей [1, 94]. Но договора не в порядке собирания и специального решения черное называть черным, а белое белым, а в порядке длительного использования, миллиардов раз повторяющихся звуковых сочетаний и действий, выработали общественную привычку к определённым звукам по отношению к определённым предметам, действиям и другим словам. Так что слова прочно связались с предметами, а предметы – со словами.

Связь слова с каким-либо бытием (с «подлежащим»=«гипокейменон») и выделяет его в качестве имени, а имя делает слово словом. Имя обобщает в одном слове класс явлений, массу однородных предметов и, даже, несколько таких классов. Поэтому в греческом языке «слово» и «имя» мало различаются. Они могут переводиться одним словом – «ὄνομα». Но имя, в отличие от слова, не может иметь несколько значений, а дается только одному виду предметов или одному их свойству и, соответственно, одному значению. Поэтому имя – это то же самое, что и слово, но с одним значением [4, 126-127]. Имя – это слово, соотносимое с вот этим бытием посредством глагола «есть». Поскольку само слово «бытие» не соотносится с каким-либо другим предикатом с помощью глагола «есть», постольку оно – не имя. Оно может сказываться обо всем. О нем же (о чистом бытии, просто – о бытии) ничто не может сказываться. Неправильно сказать: бытие есть роза, или собака, или атом, или поле и т.д. Бытие есть только имя для самого себя. Но тогда оно и не имя, поскольку не выделяет класс отдельных предметов. Бытие, следовательно, есть самотождественное – как имя для самого себя. Оно само себе имя и само сказывается о себе: бытие есть то, что есть, или проще, как у Парменида – «только бытие есть».

Поэтому же оно и термин, и не термин: оно – неопределенный термин, само противоречие. Термины – это слова, имеющие определённое

и точное значение, соотносящие называемый предмет (имя) с существованием (сущностью) и от-деляющие один вид предметов от других. В этом отношении (только в этом отношении) термин, можно сказать, является началом определения. На это намекает и этимология греко-римского слова: «термин» – в буквальном переводе «пре-дел», «граница» (от греческого *termino* – определить границы, а именно – границы между наделами земли). Термин – это определение в себе. Когда называют имя или термин, обозначаемый этим именем, то предполагается, что говорящие знают его определение (значение), хотя на деле это может быть и не так. Например, когда произносят «деньги», то предполагается, что говорящие знают, что деньги – **это товар, опосредствующий обмен**. Как правило, определения даже проще: это то, на что можно купить товары и услуги. Поэтому произносится слово или имя термина, а подразумевается сам термин. **Термин это определенное имя**, имя с определением, выделяющим данный предмет из всех других предметов. Имя, имеющее определение, которое от-деляет его от всех других предметов. Термины в естественном языке и словоупотреблении могут быть значительно размыты, не однозначны. Но в науке термины имеют точное значение в рамках одной теории.

Термины могут быть не только однословными, но и многословными. Однако, даже однословный термин возникает из соотношения названия предмета и ответа на вопросы: «что это?» или «что это есть?», или иначе: «каков есть этот предмет». Например, «человек» – это слово, которое может использоваться в великом множестве значений. Но оно становится именем и термином при указании: «это (есть) человек» или при соотнесении его с другими словами: «человек это животное». «Животное» – не определение для человека. Но оно все-таки начало определения. Оно отделяет человека от других предметов: от вещей неживой природы и от растений, от нарисованного человека и от скульптуры, изображающей человека. Например, у Аристотеля так и звучит «Человек есть политическое животное». Это – определение человека, причем очень глубокое. Здесь термин «человек» отделяет человека от других предметов, и животное «человек» от диких животных, и этого «человека» от других: живого человека от нарисованного человека, от человека в смысле представителя или заместителя «человеческого рода» и т.д. В этом определении «животное» вы-

полняет роль родового термина для человека, а «политическое» – роль специфического отличия и, поэтому, вместе они выполняют роль определения для «человека».

– Какое животное?

– Политическое.

Сказать о человеке: животное – правильно, но не истинно. Сказать же о нем: политическое животное и правильно, и истинно. Но в любом случае именно глагол «есть» в соотношении с предметом делает слово «человек» именем и термином. Человек суть отделение одного человека (я, ты, он) от других людей (они), поэтому исторически единичное лицо возникло из множества инди-видов как представителей одного (внешнего, предопределенного природой) вида... А «я», личность, – лишь продукт последующего развития первоначального вида (рода), в котором вид ушел во внутреннее качество и стал общим, видовым и родовым, для любого человека, а не только похожего на человека нашего вида и рода.

Именем может быть не только существительное, но, как открыл еще Аристотель, и глагол: «глаголы высказанные сами по себе, суть имена и что-то обозначают» [1, 95]. Однако, в отличие от имени: «глагол есть звуко сочетание, обозначающее ещё и время» [1, 94] и – «глагол всегда есть знак для сказанного об ином». Т.е. то, чего требует слово для того, чтобы стать именем, у глагола уже есть. Это значит, что это «то» в глаголе есть в снятом виде. А, следовательно, глагол первичен как имеющий преимущество: соединить в себе имя и глагол. И лишь в процессе развития языка глагол разделяется на самого себя и имя. Имя – вторично. Оно – результат от-деления от глагола. Но глаголы сами по себе «ещё не указывают, есть ли (предмет) или нет, ибо «быть» или «не быть» не обозначает предмета» [1,95]. Да, все глаголы таковы. Кроме одного глагола – «быть». Который указывает **только** на то, что предмет «есть». Поэтому этот глагол – не имя. А, следовательно, он и не термин.

Поэтому все слова имеют, как правило, довольно узкий круг близких значений как по отношению друг к другу (части речи, например: 1)бег, 2)бежит, 3)бегущий), так и по отношению к вещам (род: 1)происхождение от одного предка, 2) совокупность родственников, 3) совокупность предметов с одинаковыми признаками и т.д.).

Но есть слова, звучащие (и пишущиеся) одинаково, но относящиеся к совершенно разным вещам: ключ от двери, ключ — родник, ключ к шифру и т. д. — это омонимы, т.е. одноимённые. Имя одно, но предметы разные. Эти предметы могут быть совершенно разными, как дверной ключ и ключ к шифру, а могут быть тесно связанными; как человек живой и портрет этого человека.

Слова разные, но их отношения к предметам всё же в каких-то сторонах, в каких-то функциях, тождественны: «человек» и «портрет человека» — понятно; «ключ дверной» и «ключ к шифру» — помогают что-то открыть, получить доступ к комнате или к тексту; «бег» и «бегающий» — ясно само собой.

Вот этот момент тождественности и обусловлен отношением слова к вещи, а момент различия — или неотрефлексированностью языка, в котором смысл одного слова (имени) почему-то оказался перенесён (как правило, по весьма внешней ассоциации) на другие вещи, которые пока не получили своего единичного имени.

Вот это начало различия в словах по отношению к предметам и есть образование имени как начало процесса определения термина. Уже слово, имя — определяет. Но оно определяет и становится термином только при указании на предмет: это роза, это человек, с прибавлением к нему глагола «есть».

Т.е. слово становится именем посредством установления его связи с вещью посредством «есть», которое в этих высказываниях предполагается, на что-то указывает. Потом можно спорить: роза ли это, и какая это роза, и почему она роза (точно так же и человек), но имя уже есть. И оно есть как намёк и претензия на бытие. И этот намёк уже есть начало процесса определения — положение предела звукам для означения данного предмета, или действия, или признака, или еще какого-то определения.

Но когда в вещи различают некие свойства и признаки, им дают имена с помощью переноса и изменения звуков (значений), взятых от имён других предметов: роза — красная, человек — белый. И опять процесс осуществляется посредством «есть»: роза есть красная, человек есть белый.

Однако и в том, и в другом случае речь идёт именно о начале определения, хотя определения в точном логическом смысле здесь ещё нет. (Вернее эта ступень процесса определения — далеко позади нас: она

была, в основном, осуществлена нашими предками). Но здесь не стоит вопрос: есть ли роза, есть ли человек, и не предполагается ответ. Понятно, что раз это роза, значит она есть. Таким образом процесс определения, опосредствованный глаголом «быть» предполагает, что эта роза (этот человек) есть. То есть глагол «быть» (и стоящее за ним существительное) опосредствует всё движение слова в термин (посредством имени), а термин в фиксированное определение – в дефиницию, оставаясь в основе этого движения как предположенное (положенное перед этим, в прошлом).

Таким образом, «бытие» («быть») опосредствует все термины. Но само-то оно опосредствовано подобным образом или нет? Как видно из его многотысячелетней истории – нет. Оно сохраняется тождественным себе и эта его тождественность отличает его от всех других слов. То из значений слов, которое наиболее близко подходит к первичной связи с этим бытием как с тождественностью, называется термином. Термин, особенно научный термин, – это строго определенное имя для строго определённого предмета, в котором (имени) слово и вещь отождествляются соответствующим образом, а образ предмета – опосредствуется каждым из них.

И только само слово «бытие» не становится именем из связи с бытием, поскольку оно само бытие. Как только произносится «бытие», оно возникает как «бытие» – но только как «бытие», не больше и не меньше. Оно – имя самому себе. Но оно – не определение самого себя. С него начинается всякое определение как определение чего-то, что есть (есть ли на самом деле и что именно есть – это особая проблема). Оно, следовательно, слово=термин: никаких других значений у слов «бытие» и «быть» нет. Поэтому оно – творец терминов из слов

– Что такое бытие?

– Это бытие, т.е. то, что есть. То же, что и глагол «быть» – это глагол глаголов. Ведь он не только обозначает время, как, по Аристотелю, другие глаголы, но и обозначает любое время или участвует в образовании времен глаголов, сам суть момент перехода и сам этот переход из одного времени в другое. Из прошлого в будущее и из будущего в прошлое. И, даже, как отдельный, участвует в образовании времени глаголов в греческом, английском, немецком и других языках в соединении с другими глаголами, предопределяя их время.

Аристотель считает термином «то, на что распадается посылка, т.е. то, что сказывается, и то, о чём оно сказывается с присоединением [глагола] «быть» или «не быть»» [3, 120]... В свою очередь «Посылка есть речь (лучше было переведено у Б.А.Фохта в издании «Аналитики» 1952 года – «высказывание»), утверждающая или отрицающая что-то относительно чего-то» [3, 119]. Посылка, следовательно, есть некоторое суждение, ибо высказывается мысль, «в которой утверждается или отрицается что-либо, о чём-либо» [8, 69]. Отсюда можно сделать вывод: термины это то, на что распадается суждение. Тогда главное суждение о бытии – Бытие есть то, что есть – состоит из двух терминов: «бытие» и «есть». Т.е. термин «бытие», опять-таки, замкнут на самого себя: он выражает движение от себя к иному и от иного к себе.

Термин может состоять из одного, двух и более слов. Термин суть отрицание как выделение предмета из целого, из совокупности других предметов. Отрицание всего лишнего, не относящегося к предмету. В нём остаётся то, что подлинно «есть» именно в этом предмете. Он удерживает смысл слова как нечто существенное, тесно связанное с предметом. Но в самом термине «бытие» никакой глубины как раз и нет. Он лишь соотносится с сущностью как с некой глубиной, находящейся за ним. Он только указывает (постоянно указывает) на возможную сущность, которая стоит за ним и которая должна быть действительно познана – как подлинное, действительное бытие. Он указывает: 1) это «что-то» «есть», следовательно, можно его назвать, и 2) если есть устойчивое название (а тем более – понятие), значит это «что-то» действительно есть. Он не говорит: какое оно, или – каким образом оно есть. Просто: есть. Как говорил ещё Ансельм Кентерберийский (а за ним и И.Кант) в онтологическом доказательстве бытия бога: «если есть понятие о боге, значит, есть и сам бог». Можно было бы сказать и проще: если есть термин – бог, значит, есть и сам бог. (Кстати в Древнем Риме был бог Терм (Термус) – покровитель границ). А уж если есть понятие о «боге», то он точно есть. Из терминов в понятия развиваются только важные предметы, постоянно сопровождающие практическую деятельность людей. Другое дело – **в каком смысле он есть** – в каком определении (смотри ниже). Здесь вынесено за скобки то обстоятельство, что не указывается его определение, т.е. **что он такое есть, какой он есть**, каково его подлинное имя и как он постигается –

чувствами или разумом, и т.д. и т.п.. Для древних бог – это, например, медведь, или лось, или ещё какое животное, для других – Зевс, Юпитер, для третьих Иисус или Аллах, для четвёртых – важный культурно-исторический феномен или фантастический феномен. Но во всех этих именах (терминах) **он есть в смысле чистого бытия**. Так же, как есть Дед Мороз. Если есть термин «дед мороз», значит есть и Дед Мороз. Другое дело, есть ли он реальный живущий в лесу седой старик или культурно-художественное и педагогическое явление, как символ праздника Нового года. Эта простая природа Деда Мороза (как и другие простые понятия и термины) приводит к интересному явлению: дети постарше вдруг «понимают», что дедушки Мороза нет, а просто дядя N нарядился в костюм Деда Мороза. Но ведь здесь просто дядя N стал Дедом Морозом. Дядя N умрёт через n-е количество лет, а Дед Мороз останется и пребудет таким же Дедом Морозом – не больше, но и не меньше. С другой стороны: дядя N нарядился Дедом Морозом, а не медведем, зайцем и т.п. Так что, действительно, устами младенцев глаголет истина. Особенно, что касается бытия, т.е. того, что есть. Они лукавить не умеют и прямо говорят: есть предмет или его нет. А дети постарше как будто открывают истину, но оказывается, что там – пустота, ничего нет: ни Деда Мороза, ни истины. И только взрослые относятся к Деду Морозу истинно: как к весёлому персонажу и символу Нового года, который можно использовать для получения удовольствий и подарков детям и взрослым.

Термин «бытие», следовательно, указывает на тождественность определения и факта присутствия этого определения. Он, таким образом, соотносится и сам с собой, и с наличным бытием и с действительным существованием.

В этом смысле знаменитые кантовские 100 талеров есть, и они – бытие. А есть ли они в кармане – это другой вопрос: вопрос не о бытии вообще (не о чистом бытии, о чём у нас идёт речь), а о наличном бытии этих самых 100 талеров, которые имеют специальное определение – «в кармане». Это не просто другие талеры, это противоположные, наличные сто талеров. Да, налично сейчас их нет. Но как бытие вообще они присутствуют в беседах философствующих все в том же духе и в термине «100 талеров» – не больше, но и не меньше, чем во времена И.Канта. Речь идет о талерах, а не о рублях, не о долларах. И она идет о 100 талерах, а не о 101 и не о 1000 талерах.

Выделение одного из слов в качестве термина отражает этап постижения развитым разумом определенности какого-то предмета из его контекста и из контекста фиксировавших этот предмет ранее слов.

Как выделение какого-то предмета и соответствующего ему бытия из массы предметов и имён, термин есть отрицание, первое отрицание – отрицание в языке того, что есть как выделенное в предметном мире. Процесс такого выделения (= отрицания контекста) называется детерминация (*determinatio*). Именно эту сторону определения как отрицания открыл в XVII веке Б.Спиноза, а затем несколько раз разъяснил Г.Гегель «*Omnis determinatio est negatio*» [6, 174, 489].

Это положение Спинозы просто выражает простую, но глубокую суть дела. Её хорошо выражает уже сам термин, как было замечено выше: *determinatio*, т.е. по-русски – определение. Речь идёт о границе, о пределе, как предмета, так и называющего его термина. Это – простое отрицание вообще. Такое отрицание просто отрицает все другие предметы. Всё равно, что иметь в виду: внутреннее или внешнее, наличное или отсутствующее – термин выделяет данное бытие и, тем самым, отрицает другое наличное бытие и бытие вообще. Есть только то чистое бытие, которое фиксирует термин, и в этом он тождественен с бытием вообще, но как с отрицаемым. Поскольку в этом тексте в качестве термина берётся просто «бытие», то указанное тождество есть тождество бытия с самим собой, стало быть некоторое – не то положительное, не то отрицательное – неопределённое. Г.Гегель называет его «чистое бытие». Вот это – термин в точном смысле: мы имеем дело с, хотя бы по виду, определением «чистое». В нём бытие, с одной стороны, берётся самым общим образом (бытие вообще), но выделяется и определяется как «чистое», как будто есть ещё некое «нечистое». Но дело в том что «чистое» здесь, на самом деле, не определение, а внешняя характеристика, указывающая на изолированность от всего, полное отрицание всего другого – «нечистого», т.е. определенного бытия. Так что осталось только это простое, неопределённое, непосредственное, или просто – «чистое бытие». Осталось, собственно говоря, «ничто», о чем ничто не сказывается или сказывается внешним образом. Впрочем, ничего и не осталось. Осталось что-то пустое, пустая оболочка. Его можно охарактеризовать ещё как-то. Но суть в том же самом: оно есть соотносящееся с собой, тождественное самому себе бытие как термин, не имеющий другого положительного опреде-

ления, утвердительного определения – дефиниции. Он имеет определение лишь самого себя: бытие есть бытие, или – бытие есть то, что есть.

Видимо, эти особенности термина (и понятия) «бытие» и глагола «быть» учитывал Г.Гегель, когда начал свой гениальный труд с предложения, в котором 1) нет глагола и 2) определение не дается, а отрицается вообще всякое определение. Он пишет: «Бытие, чистое бытие – без всякого дальнейшего определения» (См. следующий параграф). Но это и есть выражение отношения слова к предмету и становление имени, а, следовательно, и термина. Это отношение состоит в том, что бытие, понимаемое само по себе, имеет отношение к предметности вообще, к любым предметам, которые есть, а в этом отсутствии дальнейшего определения (на данном этапе, вначале) и состоит намёк (указание) на его определённую. Бытие здесь (как и в любом начале, в начале любого дела, мысли) взято само по себе, без отношения к другому. Таким, каково оно есть – «просто есть», «только бытие». Или, как по кантовской традиции выразился Г.Гегель – «чистое бытие». Глагола в этом предложении нет, но он предполагается: определения у бытия нет, но внешним образом оно дается. И сама эта исключительная неопределенность чистого бытия составляет как раз его необычность и составляет как раз саму эту его исключительную определенность. **Его определение состоит в том, что у него нет определения.** Оно суть лишь что-то неопределенное, лежащее в основании, в начале, гипокейменон. А что есть неопределенное? Только чистое бытие. И это просто вытекает из природы понятия (смотри выше определение Спинозы). Впрочем и в самом греческом термине есть указание на бытие, редко вспоминаемое переводчиками – его корень *κεῖσθαι* имеет и значение «находиться, быть» [5,698].

Сформулированный термин есть дефиниция. Дефиниция есть определение, как и термин. Но это развернутый термин. Поэтому, в известной мере, они тождественны. Некоторых смущает это сближение. И переводчики пеняют Гегелю, что он «вольно» переводит Аристотеля, называя термин определением [7, 320]. Да, и термин, и дефиниция суть определения, но дефиниция это развернутое, сознательно сформулированное определение как понятие в себе, т.е. свернутое понятие. В этом смысле можно сказать, что у «чистого бытия» нет дефиниции. Но можно сказать и по-другому: всё дальнейшее движение категорий есть

процесс его определения. Но не как термина, а как развернутого понятия.

Литература:

1. Аристотель. Об истолковании /Аристотель. Соч. в 3-х томах. Т. 2. –М.: Мысль, 1978.
2. Аристотель. Категории. Там же.
3. Аристотель. Аналитика. Там же.
4. Аристотель. Метафизика/ Аристотель. Соч. в 3-х томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1976.
5. Вейсман А.Г. Греческо – русский словарь. – М., 1991.
6. Гегель Г. Наука логики. Т. 1. М.: Мысль, 1970.
7. Гегель Г. Наука логики. Т. 3. М.: Мысль, 1972.
8. Логика. Под ред. Д.П.Горского и П.В. Таванца. М.: ГИПЛ, 1956. С. 69.

3. «Чистое бытие» и определения бытия

Итак, чистое бытие это и термин, и не термин. Термин, поскольку имеет определение чистый, а не термин, поскольку не имя, соединяемое с каким-либо предметом или другим именем посредством «есть» или «не есть». И определение «чистый» имеет здесь значение «неопределенный», т.е. противоположное термину.

Поэтому «бытие» не определяет что-то, а полагает все: любое высказывание о любом предмете. Оно не имеет определения, а потому и не понятие. Оно понятие в себе как полагание всякого понятия. И в этом значении бытие есть определение всего и, далее, всеобщего, или, как говорит Гегель, определение абсолютного.

Выражая эту абстрактную простоту и вытекающую из неё сложность, Гегель написал несколько примечаний и прибавлений к весьма коротким первым параграфам и большой и малой «Науки логики». Первые два параграфа большой «Логики» содержат всего несколько строчек. А примечаний и прибавлений к ним – десятки страниц. Они многое поясняют, но и отдаляют, особенно начинающего читателя, от текста. Гегель боится быть не понятым, и поэтому очень подробен в примечаниях и прибавлениях. В то же время, сами мысли весьма скудны и просты, и не могут быть другими в самом начале развертывания логики. Теперь, когда уже не нужно доказывать значимость и истинность логических определений гения, эти мысли могут быть изложены еще проще, чем это делает

автор в большой «Логике». Взятый без примечаний и прибавлений текст «Науки логики» начинается так:

Глава первая. БЫТИЕ

А. БЫТИЕ (SEIN)

Бытие, чистое бытие – без всякого дальнейшего определения. В своей неопределенной непосредственности оно равно лишь самому себе, а также не неравно в отношении иного, не имеет никакого различия ни внутри себя, ни по отношению к внешнему. Если бы в бытии было какое-либо различимое определение или содержание или же оно благодаря этому было бы положено как отличное от некоего иного, то оно не сохранило бы свою чистоту. Бытие есть чистая неопределенность и пустота. – В нем нечего созерцать, если здесь может идти речь о созерцании, иначе говоря, оно есть только само это чистое, пустое созерцание. В нем также нет ничего такого, что можно было бы мыслить, иначе говоря, оно равным образом лишь это пустое мышление. Бытие, неопределенное непосредственное, есть на деле *ничто* и не более и не менее, как ничто.

В. НИЧТО (NICHTS)

Ничто, чистое ничто; оно простое равенство с самим собой, совершенная пустота, отсутствие определений и содержания; неразличенность в самом себе. – Насколько здесь можно говорить о созерцании или мышлении, следует сказать, что считается небезразличным, созерцаем ли мы, или мыслим ли мы нечто или *ничто*. Следовательно, выражение "созерцать или мыслить ничто" что-то означает. Мы проводим различие между нечто и ничто; таким образом, ничто есть (существует) в нашем созерцании или мышлении; или, вернее, оно само пустое созерцание и мышление; и оно есть то же пустое созерцание или мышление, что и чистое бытие. – Ничто есть, стало быть, то же определение или, вернее, то же отсутствие определений и, значит, вообще то же, что и *чистое бытие*.

С. СТАНОВЛЕНИЕ (WERDEN)

1. Единство бытия и ничто

Чистое бытие и чистое ничто есть, следовательно, одно и то же. Истина – это не бытие и не ничто, она состоит в том, что бытие не переходит, а перешло в ничто, и ничто не переходит, а перешло в бытие. Но точно так же истина не есть их неразличенность, она состоит в том, что *они не одно и то же*, что *они абсолютно различны*, но также нераздельны и неразделимы и что каждое из них непосредственно *исчезает в своей противоположности*. Их истина есть, следовательно, это *движение* непосредственного исчезновения одного в другом: *становление*; такое движение, в котором они оба различны, но благодаря такому различию, которое столь же непосредственно растворилось.

2. Моменты становления (Momente des Werdens)

Становление есть нераздельность бытия и ничто – не единство, абстрагирующееся от бытия и ничто; как единство *бытия и ничто* оно есть это *определенное* единство, или, иначе говоря, такое единство, в котором есть и бытие, и ничто. Но так как каждое из них, и бытие, и ничто, нераздельно от своего иного, то *их нет*. Они, следовательно, *суть* в этом единстве, но как исчезающие, лишь как *снятые*. Теряя свою *самостоятельность*, которая, как первоначально представлялось, была им присуща, они низводятся до *моментов, еще различимых*, но в то же время снятых.

Взятые со стороны этой своей различимости, каждый из них есть *в этой различимости* единство с *иным*. Становление содержит, следовательно, бытие и ничто как *два таких единства*, каждое из которых само есть единство бытия и ничто. Одно из них есть бытие как непосредственное бытие и как соотношение с ничто; другое есть ничто как непосредственное ничто и как соотношение с бытием. Определения обладают в этих единствах неодинаковой ценностью. Становление дано, таким образом, в двояком определении; в одном определении ничто есть непосредственное, т. е. определение начинает с ничто, соотносящегося с бытием, т. е. переходящего в него; в другом бытие дано как непосредственное,

т. е. определение начинается с бытия, переходящего в ничто, — *возникновение и прехождение*.

Оба суть одно и то же, становление, и даже как эти направления, различенные таким образом, они друг друга проникают и парализуют. Одно есть прохождение; бытие переходит в ничто; но ничто есть точно так же и своя противоположность, переход в бытие, возникновение. Это возникновение есть другое направление; ничто переходит в бытие, но бытие точно так же и снимает само себя и есть скорее переход в ничто, есть прохождение. — Они не снимают друг друга, одно внешне не снимает другое, каждое из них снимает себя в себе самом (*an sich selbst*) и есть в самом себе (*an ihm selbst*) своя противоположность.

3. Снятие становления (*Aufheben des Werdens*)

Равновесие, в которое приводят себя возникновение и прохождение, — это прежде всего само становление. Но становление точно так же сходится (*geht zusammen*) в *спокойное единство*. Бытие и ничто находятся в становлении лишь как исчезающие; становление же, как таковое, имеется лишь благодаря их разности. Их исчезание есть поэтому исчезание становления, иначе говоря, исчезание самого исчезания. Становление есть неустойчивое беспокойство, которое оседает, переходя в некоторый спокойный результат.

Это можно было бы выразить и так: становление есть исчезание бытия в ничто и ничто - в бытие, и исчезание бытия и ничто вообще; но в то же время оно основывается на различии последних. Оно, следовательно, противоречит себе внутри самого себя, так как соединяет в себе нечто противоположное себе; но такое соединение разрушает себя.

Этот результат есть исчезновение (*Verschwindensein*), но не как *ничто*; в последнем случае он был бы лишь возвратом к одному из уже снятых определений, а не результатом ничто и *бытия*. Этот результат есть ставшее спокойной простотой единство бытия и ничто. Но спокойная простота есть *бытие*, однако бытие уже более не для себя, а бытие как определение целого.

Становление как переход в такое единство бытия и ничто, которое дано как *сущее* или, иначе говоря, имеет вид одностороннего *непосредственного* единства этих моментов, есть *наличное бытие*. [1, 139 – 141, 166 – 167]

Эти мысли-переходы сам Гегель (если взять их без примечаний и добавлений) излагает в «Малой логике» еще короче:

«а. Бытие

Чистое бытие образует начало, потому что оно в одно и то же время есть и чистая мысль, и неопределенная простая непосредственность, а первое начало не может быть чем-нибудь опосредствованным *и определенным*». [2, 217,]...

Это чистое бытие есть *чистая абстракция* и, следовательно, *абсолютно отрицательное*, которое, взятое также непосредственно, есть *ничто*. [2, 220]...

Точно так же и *ничто* как непосредственное равное самому себе, есть, наоборот, *то же самое*, что и *бытие*. Истину как бытия, так и ничто представляет единство их обеих, это единство есть *становление*» [2, 222].

Вот и все. Три простых мысли. Здесь не во что углубляться и, поэтому, не стоит на них задерживаться. Уж если углубиться, то в становление, как в единство бытия и ничто и в переход чистого бытия в ничто и их вместе – в наличное бытие. А изложить эти мысли после Гегеля можно еще короче:

«Чистое бытие есть неопределенная простота, т.е. пустота, ничто. Но эта пустота, как ничто, есть, и, следовательно, она – бытие. Бытие и ничто есть, следовательно, как переходящие друг в друга. Это движение их взаимного перехода друг в друга есть становление». Но не это важно: вся ценность в овладении умением делать логические переходы одной категории в другую.

Важно здесь не просто знание этих переходов, а **умение** самостоятельно их сделать и, рассмотрев также становление, сделать, тем самым, переход к наличному, т.е. определенному, бытию. Так в бытии выявляются конкретные определения: наличное бытие, небытие, в-себе-бытие, бытие-для-иного, внутри-себя-бытие, каче-

ство, количество, мера и т.д. Чистое бытие снято во всех последующих категориях, в том числе – в категориях сущности. Поэтому мало знать категории бытия, а надо знать еще категории сущности: сущность, существование, тождество, различие, основа, явление, причина, действительность. Как верно заметил профессор М.В.Попов: «То, что на поверхности, в бытии или в сфере существования, отвечает сущности, есть действительное. А то, что этому действительному, тоже на поверхности явлений, противоположно, противоположно и сущности. Это всякого рода реакционные тенденции, факты, действия и их идейные проявления – реакционные мысли и идеи, которые вступают с действительным в борьбу. Поэтому они есть, но они не действительны» [3, 210]. Или можно сказать иначе: они есть, т.е. они бытие, но это – не действительное бытие. И здесь ум приходит к пониманию, что не всякое бытие действительно, а только то, в котором выявляет себя сущность. Осознается точное значение и точное определение категорий, вырабатывается **навык** рассмотрения предмета в строгих терминах и понятиях. Так вырабатывается **привычка** к теоретическому рассмотрению проблем и способность следовать внутреннему самодвижению предмета на основе опыта науки о нем.

1. Гегель Г. Наука логики. Т. 1. М.: Мысль, 1970.
2. Гегель Г. Энциклопедия философских наук Т. 1. «Наука логики». – М.: Мысль, 1974.
3. Попов М.В. Лекции по философии истории. С-Петербург: Изд - во Политехн. ун-та, 2010 .

Заключение

Что за явное противоречие: абсолютное большинство признают Гегеля величайшим авторитетом и необходимость изучать его «Науку логики», а в то же время так мало тех, кто её знает, кто её изучает и, тем более, пропагандирует?

Что таково положение на Западе – не удивительно: там давно потерян интерес к поиску Истины: вместо неё довольствуются малыми практическими истинами, ищут оригинальности, славы, известности, денег, благосклонности власть имущих. Но почему в Советской России, где диалектика была частью официальной идеологии, «Наука логики» не была востребована лидерами партии, членами правительства, многими профессорами и академиками? Видимо, по той же самой причине: обуржуазившиеся партийно-научные круги не были заинтересованы в истине, старались заретушировать те противоречия и ложь, которые накапливались из-за неправильной политики. Но такая ретушь, как результат субъективных усилий, может дать лишь краткосрочный результат, тогда как противоречия объективны, вечны и требуют своевременного разрешения. Если они не разрешаются одними силами, значит они будут разрешены другими силами.

Но истина нужна человеку и сама по себе. «Я научу Вас истине и истина сделает Вас свободными» – сказал Иисус и миллионы потянулись к нему, поскольку им необходима и истина, и свобода, а одно действительно не возможно без другого. Но еще больше она нужна, чтобы выжить, чтобы точно знать: **что есть? кто виноват, что оно есть такое неудовлетворительное? что делать, чтобы исправить неудовлетворительное состояние? чего же ты хочешь:** приспособиться к этому неудовлетворительному состоянию или изменить его к лучшему?

В начале XXI века, после Декарта, Канта, Гегеля, Маркса, Ленина пора понять: без истинного метода никакой поиск истины **не возможен. Истина как результат есть только вместе с истинным процессом её постижения.** Такой процесс можно осуществить только на основе истинного метода. А такой метод, по крайней мере, пока, известен только один. И он изложен в «Науке логики» Гегеля. Поэтому без Гегеля, без его диалектики никакого дви-

жения к истине, а тем более развития, нет. Не помогут ни десятки институтов современной России, ни сотни центров стратегического анализа. И пятьдесят последних лет истории России практически это доказывают: сначала тридцать лет падения темпов роста производства, потом разрушение производства наполовину и теперь скромный рост, переходящий в топтание на месте. И то: этот рост идет за счет тех материальных и человеческих ресурсов, которые были созданы 30 – 50 лет назад в сырьевой области. А ведь были еще и иные, ныне разрушенные ресурсы в других областях...

Поэтому нашей экономике и обществу в целом необходима серьезная реиндустриализация экономики на современной научно-технической основе. Отдельными инновациями тут не обойтись, одним Сколковым или одной нанотехнологией проблем не разрешить. Здесь необходима сознательная деятельность государства и напряжение всех сил общества. Нужно государственное регулирование и планирование на уровне производства в целом. Необходимы образование и наука на высшем мировом теоретическом уровне и соответствующем финансировании, а также познание этого уровня и его пропаганда через средства массовой информации. Но сначала нужны люди, способные познать этот уровень, овладеть им практически, подтянуть союзников и тех, кто может помочь, сформулировать задачи и средства их решения, определить кратчайшие пути достижения целей, спланировать намеченную работу.

Большую роль в осознании масштабов проблем и в их решении окажет диалектический метод познания, разработанный Гегелем и разъясненный и развитый его преемниками. Как показало рассмотрение, это – **высший метод познания**. Высший в двух отношениях: а) как вообще философский он приоритетен по отношению к общенаучным и специальным методам исследований, поскольку дает методологию исследования для видов научной деятельности или, даже, для всякой разумной деятельности, и б) как высший из философских методов, поскольку метафизический метод устарел, а других нет или они, так или иначе, являются модификациями метафизического метода.

Это не значит, что философское познание не использует другие методы в качестве познания каких-то конкретных аспектов бытия. Но это значит, что во всяком исследовании оно не теряет из

вида руководящую нить диалектического познания. Этому учит не только сам метод как теоретическое орудие познания и деятельности, но и опыт выдающихся мыслителей и политиков XIX–XX веков. Именно на основе этого метода они смогли сделать выдающиеся открытия, одержать выдающиеся победы, стать светочами для всего прогрессивного человечества.

Из проделанного рассмотрения понятно, что и сейчас ученые и практики пользуются диалектическим методом или, по крайней мере, его отдельными открытиями, законами и правилами. Но без изучения самой теоретической основы, самого цельно изложенного в «Науке логики» метода, его использование носит ограниченный и стихийно-случайный характер. Поэтому задача всех прогрессивных сил современной России и каждого сознательного гражданина развивать свое мышление — изучать науки и диалектический метод. Теперь у России осталось два вида ресурсов: сырье и работники. Второй ресурс значительно важнее первого. Поэтому дело заключается в том, чтобы задействовать его на полную мощность. А это можно сделать только с помощью лучшего воспитания, лучшего образования, лучшей науки, лучшей методологии. Причем, работники могут это делать уже сегодня и, даже, без государства. Но лучше, конечно, с помощью государства, заинтересованного в развитии работников.

Но и в том, и в другом случае проблема упирается в трудности, связанные с проблемами при изучении сложных предметов вообще и таких абстрактных в частности. Раньше в вузах шутили, что два самых трудных предмета это сопромат и диамат. Можно, конечно, с этим согласиться, а можно добавить и высшую математику. Так вот изучение диалектики значительно сложнее любого из этих предметов. Метод вообще есть нечто высшее во всей человеческой деятельности. В нем разум устремляется на самого себя и постигает свою **самость**: видит её недостатки и исправляет их, сознательно совершенствуя самого себя. И потом человек становится способным исходить из самого себя в определении задач и в их решении. До постижения метода человечество поднялось только в XVII веке, когда впервые англичанин Бэкон и француз Декарт задумались о роли разума в разумном познании. Выяснилось, что все не так просто, как кажется в обыденном мышлении. Что разумное

познание имеет законы и эти законы нужно знать, чтобы не делать и не повторять простых ошибок.

А поскольку методология – это сложнейшая наука, постольку она и труднейшая в восприятии и изучении. Поэтому здесь не применимы методы административного нажима или материального стимулирования, преподавательской строгости или карьерной заинтересованности. Здесь можно положиться только на интерес самого разума, на желание человека постичь истинное, на устремленность молодежи к прекрасному и возвышенному, на волю руководителей и работников к решению крупных научных и практических задач.

Но главных трудностей три:

- психологическая,
- понятийная,
- трудозатратная.

Что касается психологической трудности, то здесь мешают, во-первых – сомнения, а во-вторых – власть авторитета великих людей. Конечно, человек сомневается, с одной стороны в своих силах перед выполнением сложной задачи, а с другой – в её важности, необходимости ею заниматься, в последующей пользе от неё. Так же и авторитет может у кого-то вызывать настроение осторожности, смущенности и, в конце концов, неуверенности в выполнимости задачи. Здесь нужен настрой, боевой настрой, «здесь страх не должен подавать совета», как выразился один мыслитель.

Вторая трудность важнее, она связана с привычкой или отсутствием привычки мыслить понятиями, устоявшимися определениями, правилами и законами. У кого-то эта привычка развита в большей степени, у кого-то в меньшей. Но она нужна. Кто прошел через экзамены в вузах, тот, в какой-то мере, получил соответствующую тренировку. Кто не имеет её, тот получит в ходе изучения диалектической логики. Так что это тоже преодолимо. Особенно, если рядом есть специалист, консультант.

Третья и проще, и сложнее одновременно. Столь сложное изучение требует много времени, по крайней мере одного часового занятия в неделю в течение учебного года. Поскольку эта логика наука практическая, т.е. требует не только знаний, но и речевой тренировки, постольку полезно заниматься ею и далее, после усво-

ения, хотя бы самостоятельно. Но это затраченное время потом освободит значительно больше времени за счет быстрых правильных и эффективных решений, за счет более быстрого понимания других людей и текстов.

В наше время для такого изучения имеется, по крайней мере, одно благоприятное условие: наша жизнь, общественная и личная, вынуждает нас задумываться о том, как выжить, будет ли работа, не разрушат ли Россию вслед за СССР, как прокормить семью и поддержать родителей, защитит ли профсоюз, не развалится ли предприятие и т.д. И грамотно ответить на эти вопросы, а, тем более – решить их положительно на практике, может только ум, овладевший достаточным **уровнем** знания, этим сокровищем человеческого рода.

Есть и другие позитивные предпосылки для глубокого постижения диалектического метода познания:

- сохранился интерес к философии Гегеля у части общественности, что проявляется в постоянном спросе на «Науку логики» и её периодические переиздания;
- существуют кружки «немецкой классической философии», семинары по «науке логике», конференции по гегелевской философии и, даже, по отдельным его произведениям, публикуются исследования по философии Гегеля, в том числе довольно глубокие;
- существуют остатки научных школ, изучавших творчество Гегеля, в том числе в Москве, в Петербурге, в Ростове, Свердловске, даже в Киеве, Алма-Ате, Тбилиси;
- наконец, Гегель стал более доступен для широкого читателя, чем даже в СССР: теперь он есть в интернете и даже на немецком языке для любителей сугубой точности.

Так что в России есть серьезные предпосылки для успешного овладения высшим методом познания – диалектическим.

Список литературы:

1. Аристотель. Категории. Соч. в 4 томах. Т. 2. М.: «Мысль», 1978.
2. Аристотель. Об истолковании. Соч. в 4 томах. Т. 2. М.: «Мысль», 1978.
3. Арно А. и Николь П. Логика или искусство мыслить. М.:Наука,1991.
4. Гегель Г.В. Наука логики. В 3 томах. – Т.1, М.: «Мысль», 1970.
5. Гегель Г.В. Наука логики. В 3 томах. – Т.2. М.: «Мысль», 1971
6. Гегель Г.В. Наука логики. В 3 томах. – Т. 3. М.: «Мысль», 1972.
7. Золотов А.В., Попов М.В. Диалектика Гегеля. – СПб. Изд. АГО и НИЭУиП, 2004.
8. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997.
9. История Всесоюзной коммунистической партии большевиков. Краткий курс. – М.:ГИПЛ, 1938.
10. Казеннов А.С. «Научный метод один – понятийный»/ «XII Царскосельские чтения: Становление российской государственности на современном этапе» – Материалы международной научной конференции. 22–23 апреля 2008 года. Том 1. – СПб.: ЛГУ имени А.С.Пушкина, 2008.
11. Казеннов А.С. «Изучение В.И.Лениным диалектического метода познания»/ «В.И.Ленин в современном мире»: Материалы третьей ежегодной международной научно-практической конференции. СПб.: Изд. ФРА, 2009.
12. Казеннов А.С.«О системах диалектики»/Профессиональное образование: социально-культурные аспекты: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург 20–21 апреля 2010 года. – СПб.: ЛГУ имени А.С.Пушкина, 2010.
13. Казеннов А.С. «Преемники гегелевской «Науки логики»/Вестник Ленинградского государственного университета. №4. Т. 2.Философия. СПб.: ЛГУ, 2010.
14. Казеннов А.С. «Бытие: категория и слово»/ Вестник Ленинградского государственного университета. № 2. Т. 2. Философия. СПб.: ЛГУ, 2010.
15. Казеннов А.С.«О культуре мышления: к пониманию единства анализа и синтеза» //«Культура как предмет философского осмыс-

ления» – Материалы научной конференции. 5 мая 2011 года. – СПб.: ЛГУ имени А.С.Пушкина, 2011 г.

16. Кант И. Логика. /Кант И. Трактаты и письма. – М.: «Наука», 1980. С.370-371.

17. Ленин В.И. КАРЛ МАРКС (Краткий биографический очерк с изложением марксизма). Полн. собр. соч., т. 26.

18. Маркс К. Письмо к Ф.Энгельсу от 14.01.1858./Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 29.

19. Маркс К. К критике политической экономии/Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 13.

20. Перов Ю.В., Сергеев К.А. «Философия истории» Гегеля: от субстанции к историчности// Предисловие к работе Г.Гегеля «Философия истории». – СПб.: «Наука», 2000.

21. Попов М.В. Диалектика как метод философии истории. – Невинномысск: Изд-во Невинномысского института экономики, управления и права, 2010.

22. Попов М.В. Лекции по философии истории. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010.

23. Рута В.Д. Развитие концепции доказательства в философии Гегеля. – М.: Изд-во РЭА им. Г.В.Плеханова, 2005.

24.Сумин О.Ю. Гегель как судьба России. – Краснодар: ПКГОО «ГЛАГОЛ», 2005.

25. Энгельс Ф. «Анти-Дюринг» /К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. Т. 20

26. Энгельс Ф. Диалектика природы. Там же.

27. Энгельс Ф. «Карл Маркс. «К критике политической экономии»»//Маркс К. К критике политической экономии. — Госполитиздат, 1949.